
ОГОНЁК
№ 19 МАЙ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПЕРВОМАЙ

Луч земли касается,
Мир устроен мудро.
Май
    земле-красавице
Преподносит утро.

Выставляет рамы,
Окна открывает
И листком упрямым
Почку разрывает.

Вся планета — майская,
Вешняя, живая,
Здешняя — не райская —
Грешная, земная!

В легкие одежды
Из мечты и света,
В добрые надежды
Празднично одета.

Ей к лицу зеленое,
Голубое,
Красное,
Золотом пронзенное,
Чистое и ясное!

Темное и тяжкое
Май,
    как лед,
        ломает.
Что-то есть Октябрьское
В нашем Первомае!

Марк ЛИСЯНСКИЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 19 (1924)

3 МАЯ 1964

Весна.
Фото Ю. КРИВОНОСОВА.

Плакат художников О. Савостюка и Б. Успенского.

Да здравствует I Мая—день международной солидарности трудящихся, день единства и братства рабочих всех стран!

Встреча Ахмеда Бен Беллы на Внуковском аэродроме Москвы.

ПОСЛАНЦЫ СВОБОДНОГ
НА СОВЕТСКОЙ

25 апреля Ахмед Бен Белла нанес в Кремле визит Н. С. Хрущеву.

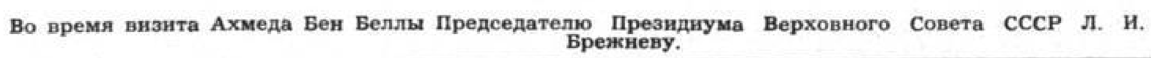

Фото Ю. КРИВОНОСОВА.

О АЛЖИРА ЗЕМЛЕ

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства в нашу страну с официальным дружественным визитом прибыли Президент и Председатель Совета Министров Алжирской Народной Демократической Республики, генеральный секретарь партии Фронт национального освобождения Алжира Ахмед Бен Белла и другие алжирские деятели.

Приветствуя гостей на Внуковском аэродроме столицы, Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев выразил уверенность, что народ Алжира добьется новых замечательных успехов в созидании счастливого будущего, в строительстве свободного, независимого социалистического Алжира.

Во время визита Ахмеда Бен Беллы Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу.

Ахмед Бен Белла возлагает венок у Мавзолея В. И. Ленина.

МАЙ.

Александр ДЕЙНЕКА,
лауреат Ленинской премии.

Рисунок сделан для журнала «Огонек».

Я слушал май...
А майский синий ветер
Качает песни звезд над головой,
А краны кружат
И совсем, как дети,
Ладони тянут к влаге дождевой.

Я слушал май...
А в майских окнах настежь
Звучит стоусто:
— Говорит Москва...
А птицы кружат, ошалев от счастья,
И повторяют:
— Говорит весна!

Я слушал май!..

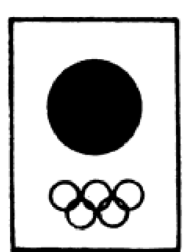
Н. БЫКОВ

Апрель

Иван КАШПУРОВ

Звенел апрель, катил зеленым валом
пространствами березовой страны.
Страна бурлила, на дыбы вставала
от Приамурья, сивых круч Урала
до улиц Петроградской стороны...
Ораторы менялись то и дело.
Летела штукатурка с потолка,
когда толпа неистово шумела
в манеже Гренадерского полка.
Луженые, прокуренные глотки
«Долой!» кричали — аж качался зал,
и господин в чужой косоворотке,
пенсне роняя, мигом исчезал.
И новый краснобай вставал на смену,
листками потрясал над головой.
Толпа стихала, слушала степенно,
затем взрывалась яростно:
— Долой!..
В манеже нарастало нетерпенье,
срываясь кратковременным дождем:
— А где же Ленин?..
— Кто тут будет Ленин?..
— Он не приедет, видно...
— Подождем!..
И вдруг необычайно тихо стало.
Лишь шепоток погуливал чуть-чуть:
— Приехал!..
— Вот он, вот!..
И расступалась
толпа,
пройти давая Ильичу.
Потом обвал сухой аплодисментов...
И сразу же, найдя живую нить,
он начал о текущем о моменте,
все больше увлекаясь, говорить.
Солдаты становились поплотнее,
трибуну брали медленно в кольцо,
как гусаки, вытягивали шеи,
стараясь разглядеть его в лицо.
Но ждали, что̀ про землю скажет Ленин,
и кто-то вдруг, не утерпев, спросил:
— А как с землей, какое ваше мненье?..—
Ильич на голос быстрый взгляд скосил.
— А что с землей? — ответил он вопросом.
— Неясно что-то!..— выкрикнул солдат.
— Неясно! Нет!..— Манеж многоголосый
заволновался.
— Разно говорят!..
Он подождал, когда утихнет масса,
И, щурясь чуть, спокойно произнес:
— Ну, а теперь внесем давайте ясность
в неясный, как вам кажется, вопрос.
И, объяснив, в чем скрытый смысл стараний
всех болтунов и что они сулят,
он обратился к грозному собранью:
— Кому должна принадлежать земля?
Тут, прорывая тишины запруду,
вскипел манеж, как в ярости река:
— Земля крестьянам!..
— Трудовому люду!..
— Без выкупа!..
— Без платы!..
— На века-а-а!!
И, общий шум перекрывая, Ленин
возвысил голос:
— Мы, большевики,
единое имеем с вами мненье!..
И срезал фразу точный взмах руки.
И от оваций вздрогнула Россия,
Земля качнулась на своей оси,
и лилось солнце из бескрайней сини
на руки зеленеющих осин.

Запорожье.

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА.

ГЛАЗАМИ ТРЕНЕРОВ

Тренеры сборной команды СССР. Слева направо: Л. Митропольский, В. Волков, Г. Никифоров, В. Дьячков, Л. Вартенев, О. Григалка, Г. Коробков, В. Алексеев, В. Маззалитис, В. Попов, В. Ягодин, Ю. Литуев.

Перед вами редкий снимок: все ведущие тренеры сборной команды СССР. Нам удалось их встретить на Черноморском побережье: в Сочи, Адлере, Леселидзе, Гагре...

В эти весенние дни многие легкоатлеты, раньше срока сдав студенческие зачеты и получив отпуск на работе, поторопились навстречу олимпийскому сезону.

Старший тренер сборной команды Г. В. Коробков собрал всех своих коллег, чтобы обсудить с ними насущное. Так произошла наша встреча. И как же тут было не попытаться взглянуть на мир легкой атлетики глазами самых больших ее знатоков! Вот он перед нами, фронт легкой атлетики, начиная от геркулесов — метателей молота — и кончая легконогими барьеристами. Пройдемся же вдоль этого фронта по старому, испытанному маршруту — слева направо.

• • •

— Задача советских «молотобойцев» ясна,— сказал нам их тренер Леонид Митропольский.— Подойти к семидесяти метрам, причем подойти не одному спортсмену, а целой группе. Я помню, как пять лет тому назад, когда Василий Руденков победил Гарольда Конноли, рядом с ним еще не было товарищей ему под силу. А теперь Руденкова подпирает могучая кучка, в которую входят такие метатели, как Ю. Бакаринов (68 метров 90 сантиметров), А. Балтовский (68 метров 17 сантиметров), Г. Кондрашов (67 метров 97 сантиметров), Ю. Никулин (67 метров 20 сантиметров).

...В программу десятиборья, как известно, метание молота не входит, но задача тренера десятиборцев Владимира Волкова во многом схожа с задачей Леонида Митропольского — «подтянуть» вплотную к чемпиону Европы Василию Кузнецову его молодых товарищей. Нагрузки десятиборцев огромные: ведь в течение двух дней им надо десять раз взять старт. Но наши молодые спортсмены Анатолий Овсеенко, Михаил Стороженко, Герман Климов, Олег Холодок пока не уступают ни в чем своему лидеру. И особое внимание уделяют они бегу на 1 500 метров. Кузнецов и его товарищи исходят из того, что в Токио победа будет решаться на дистанции этого бега, которым завершается борьба.

...Если проблема быстроты волнует десятиборцев, то что же можно сказать по этому поводу тренеру стайеров и марафонцев Григорию Никифорову?

— Бегуну на пять тысяч метров, который не показывает тринадцати минут сорока секунд, нечего будет делать в Токио. Для того, чтобы представить себе всю сложность такой задачи, достаточно вспомнить, что мировой рекорд Владимира Куца на этой дистанции стоит уже незыблемо семь лет и равен 13 минутам 35 секундам. Ближе всего к этому результату подбирался олимпийский чемпион на этой дистанции новозеландец Мюрей Халберг. Всего четыре десятых секунды отделяли его от рекорда

Необычный старт? Но ведь это тренировка! Перед нами спринтеры сборной команды СССР — Э. Озолин, Р. Ларионова, Г. Попова, А. Туяков. Сзади — тренер Л. Бартенев.

Куца. Говорят, что Халберг предполагает стартовать в этот раз только на 10 тысяч метров. Так или иначе, но двум лучшим нашим стайерам — Юрию Тюрину или Петру Болотникову — придется встретиться с этим замечательным бегуном. А ведь, кроме него, усиленно готовятся австралийцы, французы, поляки, немцы!

...Прыгуны в высоту по-прежнему не спускают глаз с американских соперников.

— Джон Томас переживает сейчас второй расцвет,— сказал нам Владимир Дьячков.— Уже в нынешнем году Томас выиграл четыре соревнования, причем победил австралийца Снизуэлла, преодолевшего 2 метра 20 сантиметров. Последний результат Томаса достаточно высок — 2 метра 16 сантиметров. Снова в хорошей форме чемпион XVI Олимпийских игр американец Чарльз Дюмас.

— Ну, а что же наши прыгуны?

На этот вопрос Владимир Михайлович Дьячков ответил довольно своеобразно: он пригласил нас на первую тренировку Валерия Брумеля, и мы увидели, как с первой же попытки была взята высота 2 метра 16 сантиметров!

...Внимательно следит за вестями, долетающими из-за океана, и другой наш тренер — Леонид Бартенев. Пока что его подопечные — бегуны на короткие дистанции — американских спринтеров не догнали, но занимаются они много по новой программе, в которую входили долгие и трудные кроссы по снегу, напряженная работа над скоростью, над ритмом.

Еще совсем недавно Леонид Бартенев сам успешно выступал в беге на 100 и 200 метров, где вел неизменно борьбу с Эдвином Озолиным. Теперь Озолин — его ученик. С лучшим нашим спринтером у Бартенева занимаются и другие известные бегуны — Николай Политико, Слава Прохоровский, Амин Туяков и молодые спортсмены — Борис Савчук, Борис Зубов, Валерий Косицкий.

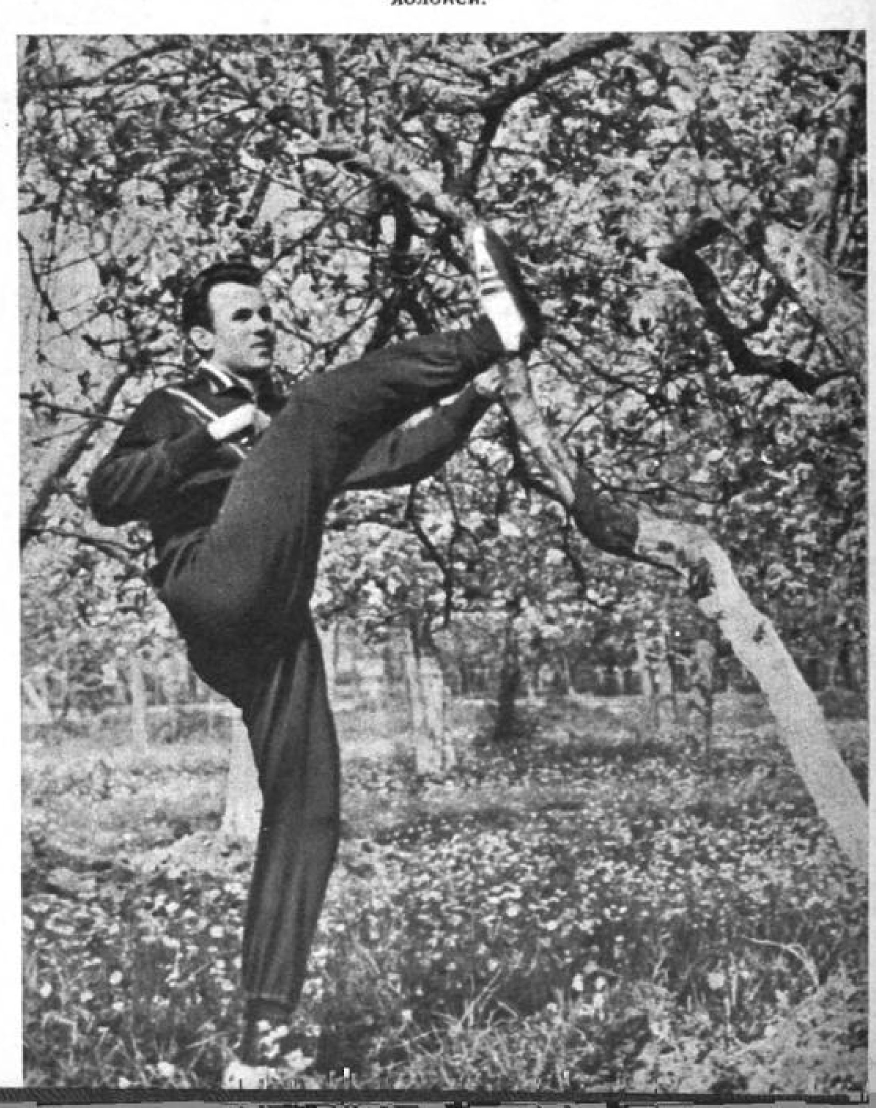
...Еще один известный спортсмен занял сейчас место на тренерской скамье — Отто Григалка. У кого наибольшие шансы в Токио? Отто Янович Григалка выделяет трех дискоболов — Владимира Трусенева, который тренируется у известного ленинградского тренера В. И. Алексеева, и двух своих питомцев — Кима Буханцова и Виктора Компанейца. Трусенев метает за 61 метр, но в Токио его ждут пока еще непобедимые американские метатели во главе с двукратным олимпийским чемпионом Альфредом Ортуром. Американец в прошлом сезоне установил новый мировой рекорд — 62 метра 62 сантиметра.

— Какие шансы у толкателей ядра? Американцы еще в прошлом сезоне перевалили за двадцатиметровый рубеж, и Далас Лонг уже в нынешнем году довел мировой рекорд до 20 метров 10 сантиметров. К этому результату ближе всех подошел Виктор Липснис. Весной в ленинградском манеже он толкнул ядро на 19 метров 20 сантиметров.

— Как вообще расцениваются шансы советских легкоатлетов в их традиционном споре с американцами за общекомандную победу? — Этот вопрос мы задали старшему тренеру сборной команды СССР Гавриилу Коробкову.

— На двух предыдущих олимпиадах спор двух сильнейших легкоатлетических команд закончил-

В. Брумель, прежде чем выйти к планке, разминается под цветущей яблоней.

На соревновании подобной картины вы не увидите. С помощью этого необычного «спиннинга» бегун отрабатывает мощный старт.

ся, как известно, победой советских спортсменов,— сказал Коробков.— По имеющимся у нас сведениям, руководители американского легкоатлетического спорта делают сейчас все, чтобы в Токио взять наконец реванш.

Мне кажется, что грозным для нас соперником будет и объединенная команда Германии. Ее шансы на командную победу повышает включение в программу женской легкой атлетики двух новых видов — бега на 400 метров и пятиборья.

...Но не только немецкие тренеры рады тому, что отныне на Олимпийских играх спортсменки будут выступать по более широкой программе. Можно с уверенностью сказать, что этому еще более рад советский тренер Виктор Ильич Алексеев. Ведь он вырастил и подготовил мировую рекордсменку по пятиборью Ирину Пресс. В Риме Ирина завоевала золотую медаль в барьерном беге, а теперь в Токио намерена испытать свои силы в пятиборье. После тяжелой травмы, полученной еще летом 1962 года, Ирина Пресс наконец оправилась и снова тренируется с присущим ей подъемом.

...Валентин Маззалитис — знаток как раз того вида спорта, в котором американские легкоатлеты всегда уступали пальму первенства европейцам, и прежде всего финнам: он тренирует копьеметателей. Янис Лусис, чемпион Европы, рекордсмен страны (его результат — 86 метров 4 сантиметра), выращен им. Но сейчас Маззалитис готовит к олимпийскому турниру не только Лусиса, но и всех его соперников: Виктора Цыбуленко — чемпиона XVII Олимпийских игр, Марта Пааму, Леонаса Сабловского. Кто же главные соперники наших спортсменов? Валентин Эдуардович называет первым не мирового рекордсмена итальянца Ливоре (86 метров 74 сантиметра), который неудачно выступал в прошлом году, а финна Невала, имеющего второй результат в мире (86 метров 33 сантиметра).

...Владимир Попов готовит прыгунов в длину. Ученики у него маститые — Игорь Тер-Ованесян, установивший в 1962 году мировой рекорд — 8 метров 31 сантиметр, Антанас Ваупшас, который трижды победил Ральфа Бостона в Америке на зимних соревнованиях. Рядом с известными прыгунами усиленно готовятся к Токио их молодые товарищи Л. Борковский, В. Гревцев. В хорошей форме и те, кто выступает в тройном прыжке,— чемпион СССР В. Креер, О. Федосеев, А. Алябьев.

Успешно осваивают секреты фибергласового шеста питомцы Виктора Ягодина.

— Вокруг этих «небесных шестов», как назвали их американцы, еще недавно пылали бурные страсти,— рассказывает Виктор Ягодин.— Многие считали, что эти шесты надо запретить. Теперь ясно, что фибергласовые шесты требуют еще большего мастерства, еще большей смелости, чем шесты металлические. Наконец-то нам удалось проникнуть, так сказать, в их структуру, и это позволило Геннадию Близнецову взять нынешней весной 4 метра 81 сантиметр. Но мировой рекорд американца Джона Пенелла равен 5 метрам 20 сантиметрам. Наша задача — подойти к этому результату вплотную.

— На кого из своих питомцев возлагаете вы самые большие надежды? — спросили мы в заключение Юрия Литуева, который тренирует барьеристов и бегунов на 400 метров.

Неоднократный чемпион страны, экс-рекордсмен мира ответил не задумываясь:

— На Василия Анисимова и Вадима Архипчука.

Да, это отличные бегуны! Василий Анисимов пробегает 400 метров с барьерами за 50,6 секунды. Вадим Архипчук — 400 метров гладкого бега — за 46,3 секунды. Но ни тот, ни другой еще не подошли к результатам американских бегунов.

— Я уверен, что наших бегунов ждут в ближайшем будущем высокие результаты,— говорит Литуев.— Какие? Не лучше ли повременить с ответом хотя бы до начала соревнований? Их будет немало, интересных международных соревнований — в Софии, Будапеште, Праге, Берлине, Москве, Лос-Анжелосе и, наконец, в Токио.

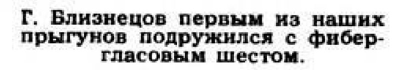
...А пока к этим большим стартам тренеры, не жалея сил, готовят своих питомцев. Мы на пороге большого олимпийского лета.

Владимир Трусенев — сильнейший дискобол страны.

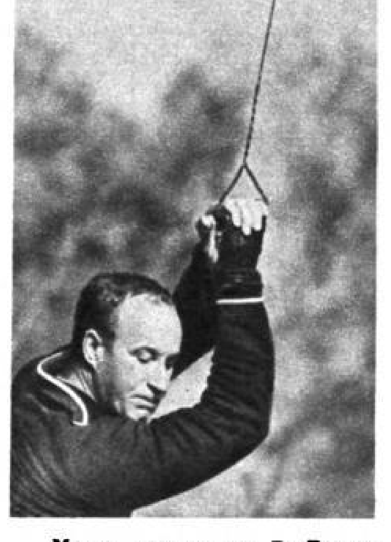

Две мировые рекордсменки, Т. Щелканова (прыжки в длину) и Э. Озолина (метание копья), любят покидать камешки в море. На спинах их курток эмблема токийской Олимпиады — подарок японских друзей.

Г. Близнецов первым из наших прыгунов подружился с фибергласовым шестом.

Молот в руках у В. Руденкова.

На тренировке можно наблюдать и такую сценку: спортсмен в роли зрителя, а тренер в роли спортсмена. Действующие лица: Ирина Пресс и В. И. Алексеев.

С больной головы на здоровую

Международный фельетон

В. НИКОЛАЕВ

В последнее время в Соединенных Штатах все чаще и чаще можно услышать разговоры об умственных способностях американцев. Высказался на эту тему и небезызвестный лидер «бешеных» Барри Голдуотер. Мракобес-миллионер сделал свое очередное открытие: в современной Америке слова «дурак» и «бедняк» — синонимы. В нищете и безработице, утверждает Голдуотер, виноваты сами пострадавшие, то есть нищие и безработные, ибо «у большинства этих людей низкие умственные способности или недостаточная амбиция». Одним словом, тот мудрен, у кого карман ядрен.

Сия идейка Голдуотера была восторженно встречена в определенных кругах США, в частности в редакции одного из крупнейших американских журналов — «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Рипорт». В этом нет ничего странного, ибо журнал — рупор Уолл-стрита.

По роду своей деятельности сотрудники журнала склонны к статистическому анализу и подводят, так сказать, теоретическую базу под большой бизнес. Вот и на сей раз они решили научно обосновать и развить тезис Голдуотера. Обратились для этого к милой их сердцу военной статистике.

Дело в том, что американских призывников, помимо медицинского освидетельствования, подвергают так называемому «интеллектуальному тесту». Этот своего рода экзамен состоит из ста вопросов. Набравшие меньше девяти очков считаются негодными для военной службы. Такой экзамен держали уже миллионы молодых американцев, и поэтому журнал призывает своих читателей верить приводимым ниже данным.

«В 1962 году, — сообщает журнал, — из 306 073 призывников, подвергнутых интеллектуальному тесту, одна четвертая часть провалилась. Наиболее распространенный недостаток — неумение читать и производить элементарные арифметические действия». Далее сообщается, что большинство провалившихся на этих экзаменах — дети бедняков.

Что и говорить, страшная статистика! Но журнал обратился к ней совсем не для того, чтобы изобличать пороки капиталистического общества. Комментируя эти цифры, безымянные авторы статьи (кстати, статья названа так: «Одна большая причина бедности некоторых людей») пишут:

«Здесь начинается противоречие, напоминающее извечный вопрос: что было раньше — яйцо или цыпленок? Или люди бедны, потому что у них не хватает ума и образования для получения хорошо оплачиваемой работы, или у них не хватает ума и образования, потому что они бедны?»

Поставив этот риторический вопрос, журнал развивает далее свою мысль в одном, очень определенном направлении: в бедности виноваты сами бедные, а не общество. «Разве это разумно, — гневно восклицают авторы статьи, — распространять идею о том, что индивидуум не отвечает персонально за свою бедность?»

Правда, последний вопрос задается не для того, чтобы спрашивали с бедняков, а для того, чтобы не спрашивали с богатых, не обвиняли общество в несправедливости. Ведь, по журналу, выходит, что бедность — порок органический и неизлечимый, своего рода наказание за умственную неполноценность.

Так было и так будет, утверждают авторы статьи и для пущей убедительности пишут в заключение:

«Все авторитеты свидетельствуют об одном: число молодых людей с низкими умственными способностями неуклонно и быстро растет и будет увеличиваться от поколения к поколению».

Так что благоденствующие бизнесмены — читатели журнала могут спать спокойно: дураков-де на их долю хватит, им будет кого околпачивать, а бедность и безработица не исчезнут в США.

Редакция журнала действует по принципу «с больной головы на здоровую». С больной головы смертельно больного капиталистического общества на здоровую голову американского народа, народа талантливого и трудолюбивого.

Выигрыши

Наутро после выхода таблицы выигрышей Всесоюзной художественной лотереи в помещении ее дирекции собрались самые нетерпеливые счастливцы.

Одно дело — выиграть деньги или даже холодильник, а тут ведь художественное произведение! Каждому интересно поскорее посмотреть. Но увидеть выигрыши не так просто. Фонды лотереи хранятся в подземных хранилищах площадью в тысячи квадратных метров! Нужно определить, в каком подвале, на каком стеллаже находится вещь, произвести экспертизу билета. Многие выигрыши представляют большую материальную ценность.

В первое же воскресенье в Центральном выставочном зале, где разместилась большая предлотерейная выставка «Художники — народу», в торжественной обстановке началось вручение выигрышей.

А студентка Надя Андреева получила два выигрыша на два билета! Очень похорошела Надина комната, когда в ней одновременно появились облитый синей лазурью декоративный керамический набор для цветов и серебристо-голубое «Утро» художника В. Косенкова.

Знаменательные реликвии появились в этот вечер в пятидесяти московских квартирах.

Допоздна горел свет у Савкиных, где пили чай из новых чашек. Обмывали сервиз «Елочку». Хозяйка не налюбуется на тонкий золотой рисунок по черно-голубому фону.

— Экая красота!

Хозяин, побывавший днем на вручении выигрышей, солидно дает пояснения:

— Каждую вещицу художник сам от руки расписывал. Заканчивая работу, на донышке подпись поставил той же черной краской...

Гости спешат перевернуть чашку и блюдечко — поглядеть на удивительную подпись.

...Мебель передвинута. Александр Петрович Елисеев, обвязанный жениным фартуком, вбивает в стену пробки. Дом новый: картину повесить не так-то просто! Без конца примеряет, чтобы висела точно по инструкции — свет из окна не падал прямо на картину, чтобы висела она на уровне глаз. Но чьих глаз? Жена на полголовы ниже. А Мишка и вовсе мал. Ну ничего, подрастет.

Нина Семеновна то и дело прибегает из кухни, руководит работой:

— Осторожнее! Смотри картину шлямбуром не задень!

Это она — хозяйка дома — виновница торжества.

— В жизни лотерейных билетов не покупала! А тут не удержалась. Загадала: обязательно картину выиграю. И вот она, красота моя, — «После грозы»!

Вот первые счастливцы. Техник завода «Знамя труда» Строев выиграл картину заслуженного деятеля искусств РСФСР Н. И. Осенева «Осенний день»; художник тут же пригласил его посетить мастерскую. Преподаватель Московского энергетического института Георгий Иванович Иванов повез домой картину И. Шевандроновой «Осень в лесу» и очень сожалел, что не удалось познакомиться с художницей: она уехала на этюды.

Когда председатель Правления Союза художников Армении Рубен Парсамян, сняв со стены зала пейзаж Саркиса Мурадяна «Утро в горах», вручил его работнику Внешторга Георгию Баскаеву, тот не мог сдержать радости:

— Вот повезло! Даже если бы мы сами выбирали выигрыш, так лучше бы не придумали. Мы с дочкой кавказцы. Из Осетии родом. Этот кавказский пейзаж в нашей московской квартире всегда будет частичкой родного солнечного края.

Морского инженера Ширманова обступили фоторепортеры. Еще бы: на шесть билетов, купленных в один день и в одном месте, он выиграл сразу две картины — «Весна» киевлянина М. Чепика и «Лето» московского пейзажиста Е. Зверькова.

— Полный комплект времен года соберете из следующей лотереи! — шутили окружающие.

...Вручены только первые выигрыши — те, которым суждено остаться на жительство в Москве. Но в адрес дирекции лотереи уже приходят конверты с билетами из других городов. Скоро произведения искусства отправятся в путешествия: на Дальний Восток и Крайний Север, в Среднюю Азию, на берега Волги к своим хозяевам: целинникам, пограничникам, хлеборобам, — понесут им радость...

Эльвира ПОПОВА

УЗЕЛОК НА ПАМЯТЬ

Читателям давно полюбились фельетонисты Н. Воробьев и В. Журавский. Они выступают в печати, главным образом в «Правде», и вместе и в отдельности. Недавно в издательстве «Правды» вышла книга фельетонов Н. Воробьева и В. Журавского «Узелок на память».

Фельетоны Н. Воробьева и В. Журавского — острые, меткие. Не всегда улыбнешься при чтении их фельетонов, чаще разгневаешься, но гнев этот, рождаемый в сердце читателя, справедлив. В фельетонах наших «литературных близнецов» нет зубоскальства, желания во что бы то ни стало рассмешить читателя, но тонкое знание языка, умение вовремя ввернуть меткое словцо делают их запоминающимися.

Важно еще, что темы для своих фельетонов авторы черпают из самой гущи жизни. Это менее всего кабинетные упражнения в остроумии. Прочитав фельетон, читатель задумывается: за каждым сообщенным фактом стоит общественное явление, он не повисает в воздухе сам по себе, а требует размышления и выводов. Книга фельетонов Н. Воробьева и В. Журавского «Узелок на память» — подарок тем, кто любит этот неувядаемый жанр, такой же важный и нужный для газеты и журнала, как соль к столу.

Ник. КРУЖКОВ

Н. Воробьев, В. Журавский. Узелок на память. Фельетоны. Изд-во «Правда». Москва. 1964.

Е. Мальцев (Ленинград). НАБЕРЕЖНАЯ В ГАВАНЕ.

Н. Христолюбов (Москва). РЫБАЧКА ИЗ ХОЛОНГА.

А. Ткачев (Московская область). НА ПОЛЯНКЕ.

А. Пластов (Москва). НОЧНОЕ.

В. И. ЧУЙКОВ,
Маршал Советского Союза

Фото Ю. ЧЕРНЫШЕВА.

НА МОЕМ КП КРЕБС

В ночь на Первое мая 1945 года на участке наступления 4-го гвардейского корпуса перед горбатым мостом через канал Ландвер показались белые флаги. К нам шли парламентеры во главе с начальником генерального штаба сухопутных войск Германии генералом Кребсом.

Об этом мне сообщил по телефону командир корпуса генерал В. А. Глазунов. Приказав прекратить огонь на этом участке, я выехал на свой наблюдательный пункт принимать парламентеров.

Принято считать, что конец войны с фашистской Германией наступил после подписания акта безоговорочной капитуляции 8 мая 1945 года. Я не хочу вступать в спор с дипломатами, которые на основе этого акта считают, что германские вооруженные силы капитулировали 8 мая. Юридически это, конечно, так. Но мы, военные, привыкли понимать и признавать капитуляцию противника тогда, когда он разбит физически и морально, подымает руки и сдается на милость победителя. Этим завершаются усилия войск и народа, добившихся победы, без этого ни один акт капитуляции не может состояться.

Поэтому беру на себя смелость утверждать, что капитуляция германских вооруженных сил началась, или, точнее, состоялась, значительно раньше 8 мая, что командование германских вооруженных сил было вынуждено принять условия безоговорочной капитуляции из рук Вооруженных Сил СССР. Мы достигли этой цели не 8 мая, а на неделю раньше.

Итак, в ночь на Первое мая 1945 года я приехал на свой наблюдательный пункт — в дом с черными колоннами, чтобы принять парламентеров верховного командования Германии.

Уже два часа ночи, но ко сну не тянет. Курю одну папиросу за другой. В мыслях встают воспоминания боевых дней и ночей всех четырех лет.

...Адъютант тоже не спит. Он молчит, и я молчу, но мы хорошо понимаем друг друга.

Забрезжил рассвет. Наступило Первое мая. Здесь, в Берлине, мрачно, а там, на Родине, в ее восточных районах, уже начались первомайские демонстрации.

Наконец в 3 часа 50 минут в дверь постучали, и в комнату вошел немецкий генерал с орденом «Железного креста» на шее и фашистской свастикой на рукаве.

Среднего роста, плотный, бритоголовый, на лице шрамы. Правой рукой делает жест приветствия по-своему, по-фашистски; левой подает мне свои документы — солдатскую книжку. Это и есть генерал Кребс. С ним вместе вошли начальник штаба 56-го танкового корпуса полковник генерального штаба фон Дуфвинг и переводчик.

Кребс не стал ожидать вопросов.

— Буду говорить особо секретно,— заявил он.— Вы первый иностранец, которому я сообщаю, что 30 апреля Гитлер добровольно ушел от нас, покончив жизнь самоубийством.

Произнеся эту фразу, Кребс сделал паузу, как бы проверяя, какое впечатление произвело на нас его сообщение. Он, по-видимому, ожидал, что все мы набросимся на него с вопросами, проявим жгучий интерес к этой сенсации.

— Мы это знаем,— сказал я спокойно, с оттенком равнодушия.

Кребс заметно смутился: он никак не ожидал, что его сенсационное заявление окажется выстрелом вхолостую.

— Это произошло в пятнадцать часов сегодня,— продолжал он. И, видя, что я смотрю на часы, поправился, уточнил: — Вчера, тридцатого апреля, около пятнадцати часов.

Затем Кребс зачитал обращение Геббельса к Советскому Верховному командованию, в котором говорилось:

«Согласно завещанию ушедшего от нас фюрера, мы уполномочиваем генерала Кребса в следующем:

Мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня в 15 часов 30 минут по своей воле ушел из жизни фюрер. На основании его законного права фюрер всю власть в оставленном им завещании передал Деницу, мне и Борману. Я уполномочен Борманом установить связь с вождем советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери. Геббельс».

Кребс вручил мне еще два документа: полномочия на имя начальника генерального штаба Германии генерала пехоты Кребса на право ведения переговоров с русским Верховным командованием и завещание Гитлера со списком нового имперского правительства.

Кребс как бы хотел прикрыться этими документами от вопросов, которых он, разумеется, ожидал.

Почему же я ответил Кребсу, что самоубийство Гитлера не было для меня новостью?

Должен прямо сказать, что я не знал о смерти Гитлера и не ожидал, что услышу такую новость из уст Кребса. В то же время, готовясь к свиданию с ним, я настроил себя встретить любую неожиданность спокойно, не показывая и тени удивления, и без торопливых выводов. Я знал, что опытный дипломат — а Кребс был именно таковым — никогда не начнет разговора с того вопроса, который для него является главным. Он обязательно произведет сперва разведку настроения своего собеседника, а затем постарается повернуть разговор так, чтобы о главном вопросе заговорил первым тот, кто должен его решить.

Для меня и для всех присутствующих при переговорах смерть Гитлера была действительно новостью первой важности, а для Кребса она служила дипломатической маскировкой основного, самого главного вопроса. Поэтому я сразу отвел в сторону факт смерти Гитлера и тем самым заставил Кребса перейти к делу, ради которого он пришел к нам.

— В этих документах речь идет о Берлине или о всей Германии?— спросил я Кребса.

— Я уполномочен Геббельсом говорить от имени всей германской армии,— последовал ответ.

— Кто сейчас, именно сейчас замещает Гитлера?

— Сейчас Гитлера замещает Геббельс. Он назначен канцлером. Но перед смертью Гитлер создал новое правительство во главе с президентом гросс-адмиралом Деницем.

Я спрашиваю Кребса в упор:

По улицам Берлина...

Полностью заключительная глава записок маршала В. Чуйкова «Конец третьего рейха» публикуется в № 5 журнала «Октябрь».

— Идет ли речь о капитуляции, и ваша миссия — ее осуществить?

— Нет, есть другие возможности.

— Какие?

— Разрешите и помогите нам собрать новое правительство, которое назначил Гитлер в своем завещании, и оно решит этот вопрос в вашу пользу.

Ну, думаю, хитер: второй раз повторяет одно и то же — излюбленный прием дипломатов добиваться цели настойчивым повторением своей мысли в разных вариантах. Но сейчас он грубо перехлестывает. На 5-й странице завещания Гитлера читаю: «Чтобы Германия имела правительство, состоящее из честных людей, которые будут продолжать войну всеми средствами, как лидер нации, я назначаю членами нового кабинета:

Президент — Дениц,

Канцлер — Геббельс,

Министр партии — Борман...»

Я пояснил Кребсу, что мы можем вести переговоры только о полной капитуляции перед союзниками: перед СССР, перед США и перед Англией. В этом вопросе мы едины.

— Для того, чтобы иметь возможность обсудить ваши требования,— сказал Кребс,— я прошу о временном прекращении военных действий и о том, чтобы помочь новому правительству собраться здесь, в Берлине.

— Нам понятно, чего хочет ваше новое правительство,— заметил я.— Тем более, что нам известна попытка ваших друзей — Гиммлера и Геринга — зондировать почву у наших союзников. Разве вы об этом не знаете?

Кребс насторожился: видимо, мой вопрос был для него неожиданным. Ни с того ни с сего начал шарить в боковом кармане мундира и достал карандаш, который ему был совершенно не нужен.

— Я являюсь уполномоченным законного правительства, которое сформировано по завещанию Гитлера,— наконец ответил он.— Может появиться новое правительство на юге, но оно незаконное. Пока правительство есть только в Берлине, оно законное, и мы просим перемирия, чтобы собраться всем членам правительства, обсудить положение и заключить выгодный для вас и для нас мир.

— Вопрос о перемирии или мире может решаться только на основе общей капитуляции,— твердо заявил я.— Таково решение наше и наших союзников, и никакими разговорами и обещаниями вам не удастся разорвать этот единый фронт антигитлеровской коалиции.

По лицу Кребса побежала дрожь, шрам на его щеке порозовел. Заметно, что он напрягает свою волю, хочет оправиться от растерянности, но тут же проговаривается:

— Мы думаем, что СССР будет считаться с новым легальным немецким правительством. Для обеих сторон это выгодно и удобно. Если вы завладеете районом, где находится правительство, и уничтожите всех нас, тогда немцы не будут иметь возможности работать с вами.

Я перебиваю:

— Мы пришли не для того, чтобы уничтожить немцев, а для того, чтобы освободить их от фашизма. И немцы, честные немцы, уже работают с нами, чтобы избежать дальнейшего кровопролития.

Кребс снова тянет одно и то же:

— Мы просим признать новое правительство Германии до полной капитуляции, связаться с ним и дать ему возможность войти в сношение с вашим правительством. От этого выгадаете только вы.

Заявив, что у нас одно условие — общая капитуляция,— я вышел в соседнюю комнату позвонить командующему фронтом.

Я изложил свои соображения:

— Кребс пришел не для переговоров о капитуляции, а, по-видимому, выяснить обстановку и наше настроение — не пойдем ли мы на сепаратные переговоры с новым правительством. Сил у них для дальнейшей борьбы нет; Геббельс и Борман перед полным крахом решились на последний ход — завязать переговоры с нашим правительством, с тем государством, кому они больше всех насолили. Они ищут всяческие лазейки и трещины между нами и союзниками, чтобы посеять недоверие. Кребс явно тянет с ответами на вопросы, он хочет выиграть время, хотя это не в их пользу, так как наши войска продолжают наступление. Тихо лишь на участке, где перешел Кребс.

Возвращаюсь в комнату переговоров. Время — 4 часа 40 минут. От усталости и бессонницы в голове шум.

Сел за стол против Кребса. Чувствую, что за время моего отсутствия он обдумал создавшееся положение и подготовил какие-то новые аргументы в защиту своих, вернее, геббельсовских, предложений. Он заговорил первый, снова настаивая на временном перемирии.

Переговоры утомляли все больше. Ясно: Кребс имеет задачу убедить нас в целесообразности признать новое правительство, без согласия Геббельса и Бормана он не может изменить высказанных здесь предложений и будет твердить одно и то же. В его словах, во всем поведении чувствовалась безнадежность, но он не уходил, чего-то ждал от меня. Возможно, объявления, что я разговариваю с ним, как с пленником.

Стрелки часов показывали 5 утра. Тут я не выдержал и заявил Кребсу:

— Вы настаиваете на перемирии, предлагаете вести переговоры о мире, и это в то время, когда ваши войска сами капитулируют, сдаются в плен.

Кребса передернуло.

— Где? — быстро спросил он.

— Везде,— отрезал я.

— Без приказа? — удивился Кребс.

— Наши наступают, ваши сдаются.

— Может быть, это отдельные явления? — цеплялся за соломинку немецкий генерал.

И как раз в этот миг донесся грохот залпа «катюш». Кребс даже съежился.

Я взял газету и прочел вслух сообщение агентства Рейтер о неудачном дипломатическом похождении Гиммлера.

Кребс был явно удручен.

— Гиммлер на это не был уполномочен. Мы этого боялись. Гиммлер не знает, что фюрер покончил с собой.

— Но ведь вам известно, что Гиммлер по радио назначал пункты для сепаратных переговоров с нашими союзниками.

— Это — частное мероприятие,— ответил Кребс,— на других основаниях.— И, помолчав, добавил: — В случае полной капитуляции мы не сможем избрать свое правительство.

Немец-переводчик вмешался в разговор:

— Берлин решает за всю Германию.

Кребс его тут же оборвал:

— Я сам говорю по-русски не хуже вас.— И, обращаясь ко мне, уже на русском языке, быстро заговорил: — Я боюсь, что будет организовано другое правительство, которое будет против решений Гитлера. Я слушал только радио Стокгольма, но мне показалось, что переговоры Гиммлера с союзниками зашли далеко.

Этими словами Кребс выдал себя с головой. Руководство третьего рейха знало о переговорах Гиммлера, оно было убеждено, что наши союзники соблазнятся на предложение Гиммлера, а Советское правительство примет предложение Геббельса—Бормана. Как нам было известно, Герман Геринг нацеливался с такой же миссией на американцев, конкретно, на Эйзенхауэра, но его попытки потерпели неудачу.

После короткой паузы Кребс снова стал говорить о необходимости создания нового германского правительства, заявив, что задача этого правительства — заключить мир с державой-победительницей, то есть с СССР.

В. И. Чуйков и генерал-лейтенант А. М. Пронин на командном пункте армии на Зееловских высотах.

Первая помощь раненым немцам.

Берлинский Первомай

За окном грохот орудий. На улице уже светло, день Первого мая.

Приехал генерал армии Соколовский, заместитель командующего фронтом. Я доложил ему о ходе переговоров.

Диалог продолжился:

Соколовский (к Кребсу). Когда вы объявите о Гитлере и Гиммлере?

Кребс. Тогда, когда мы придем к соглашению с вами о новом правительстве.

Соколовский. Командующий фронтом считает, что сначала надо объявить Гиммлера изменником, чтобы помешать его планам.

Кребс (оживляясь). Очень умный совет. Это можно сейчас же сделать. Конечно, с разрешения доктора Геббельса. Я прошу послать к нему моего адъютанта.

— Надо передать Геббельсу, что до капитуляции не может быть нового правительства,— сказал я.

Кребс. Сделаем паузу. Создадим правительство.

— После полной капитуляции,— предупредил я.

Кребс. Нет. Только с разрешения Деница, а он вне Берлина. Мы могли бы послать Бормана к Деницу, как только объявим паузу. У меня нет ни самолета, ни радио.

Атмосфера накаляется.

Газеты мирного дня.

Гитлеровские генералы — бывшие генералы.. Первый слева — Вейдлинг.

— Сложите оружие, потом будем говорить о дальнейшем,— сказал я.

Кребс. Нет, это невозможно. Мы просим перемирия в Берлине.

— У вас есть коды, шифры и так далее? — спросил я.

Кребс. Они у Гиммлера... (Мы с Соколовским невольно переглядываемся.) Если вы разрешите паузу, мы придем к соглашению.

— Только на основе капитуляции, после которой Дениц сможет прийти к нам, как это сделали вы.

Кребс. Надо Деница вызвать сюда, пропустите его.

Соколовский. Я не полномочен это решить.

— Немедленно капитулируйте,— сказал я,— тогда мы организуем поездку Деница сюда.

Кребс. Сначала связь с Деницем, потом капитуляция. Я не могу без Деница капитулировать. **(Подумав.)** Но я все же мог бы спросить об этом Геббельса, если вы отправите к нему полковника. **(Показывает на своего адъютанта.)**

Соколовский. Итак, мы пришли к следующему: немецкий полковник идет к доктору Геббельсу узнать, согласен ли он на немедленную капитуляцию...

Кребс **(прерывая)**. Будет ли перемирие или до перемирия Геббельс должен согласиться на капитуляцию?

Соколовский. Мы не разрешим запрашивать Геббельса о перемирии.

Кребс **(снова упирается)**. Без Деница ни я, ни Геббельс не можем допустить капитуляции.

— Тогда вы не создадите правительство,— возразил я.

Кребс. Нет, надо создать правительство. Потом решить вопрос о капитуляции.

Я позвонил начальнику штаба армии и приказал связать наш батальон на переднем крае с немецким батальоном и дать Геббельсу связь с нами.

Затем просим рассказать о подробностях самоубийства Гитлера.

— Было несколько свидетелей: Геббельс, Борман и я. Согласно завещанию, труп облили бензином и сожгли. Фюрер прощался с нами, мы отговаривали его, но он настаивал на своем. Мы советовали ему прорваться на Запад...

Кребса прервал телефонный звонок. Советское правительство дало окончательный ответ: капитуляция общая или капитуляция Берлина.

Я посмотрел на часы — 10.15. В случае отказа мы тотчас же начинаем новую артиллерийскую обработку города. Говорю об этом Кребсу.

— Я не имею полномочий,— опять твердит он.— Надо воевать дальше, и кончится все это страшно. Капитуляция Берлина тоже невозможна: Геббельс не может дать согласия без Деница. Это — большое несчастье.

Соколовский. Мы не пойдем на перемирие или на сепаратные переговоры. Почему Геббельс сам не может принять решение?

Кребс. Если мы объявим полную капитуляцию Берлина, то все поймут, что фюрер погиб. А мы хотим создать правительство и сделать все организованно.

Соколовский. Пусть Геббельс объявит, что...

Кребс **(перебивая)**. Но Дениц беспартийный. Легче решить ему. Пусть он и капитулирует, чтобы не нести напрасных жертв.

Соколовский. Капитулируйте и объявите о новом правительстве. Мы вам дадим для этого рацию в Берлине. Вы свяжетесь и с правительством союзников.

Кребс. Да, Геббельсу, пожалуй, придется на это решиться. Может быть, можно мне поехать к нему?

Соколовский. Можете ехать. Мы говорим вам все напрямик: у вас положение безвыходное, даже нет связи между Геббельсом и Деницем. А после капитуляции Берлина мы дадим вам самолет или автомашину и установим радиосвязь.

Вернулся немецкий переводчик, который уходил с полковником фон Дуфвингом и нашими связистами. Он очень взволнован, начинает рассказывать.

— Когда мы шли, я кричал: «Не стрелять, мы парламентеры!» Наши мне не ответили. Русский майор тянул провод для связи. На углу Принц Альбертштрассе он был обстрелян, его ранило в голову. Я опять стал кричать, чтоб не стреляли, потом пошел с кабелем. Полковник фон Дуфвинг шел позади. Потом он снял шинель, оружие и направился с белым флагом вперед. Обстрел продолжался. Тут же стояли русские (у них ранило несколько бойцов и командира роты), ждали связи. Русская включена, а с нашей стороны связи нет. Вероятно, боевая группа не была информирована. Что же теперь делать? Ждать связи или возвращения полковника? Русские сказали, что с их стороны полковнику будет обеспечено беспрепятственное возвращение.

— Вернитесь и обеспечьте переход полковника обратно,— распорядился Кребс.— Все установлено по карте. Кто стрелял?

— Должно быть, снайпер. Русский майор, очевидно, умрет. Жаль...

После завтрака дали связь с имперской канцелярией. Кребс приободрился, просит точно записать все пункты капитуляции, предъявленные Советским командованием, чтобы сообщить своему командованию. Берет в руки трубку и начинает говорить. Подчеркивает особый пункт: по радио будет объявлено о предательстве Гиммлера.

Геббельс ответил, что требует возвращения генерала Кребса и тогда лично все с ним обсудит. Мы даем согласие.

Затем Кребс прочел свою запись наших условий капитуляции:

«1. Капитуляция Берлина.
2. Всем капитулирующим сдать оружие.
3. Офицерам и солдатам, на общих основаниях, сохраняется жизнь.
4. Раненым обеспечивается помощь.
5. Предоставляется возможность переговоров с союзниками по радио».

— Вашему правительству,— разъясняю я,— будет дана возможность сообщить о том, что Гитлер умер, что Гиммлер — изменник, и заявить трем правительствам— СССР, США и Англии — о полной капитуляции. Мы таким образом частично удовлетворим и вашу просьбу. Будем ли мы помогать вам в создании правительства? Нет. Но мы даем вам право сообщить список лиц, которых вы не хотите видеть в качестве военнопленных.

— Список лиц, находящихся в Берлине, который мы дадим, не будут рассматривать как список военнопленных? — живо интересуется Кребс.

— Это обеспечено,— твердо говорю я.— Офицерам сохраним звания, ордена, холодное оружие. Мы дадим право представить список членов правительства, право связи с Деницем и так далее. Но все это после капитуляции.

— С целью образования общего легального правительства Германии? — выпытывает Кребс.

— Только для заявления и связи с правительствами нашей коалиции.

— Итак,— резюмирует немецкий генерал,— после капитуляции советское радио даст сообщение о смерти Гитлера, о новом правительстве и о предательстве Гиммлера.

Он заверил, что постарается обо всем быстро договориться.

13 часов 08 минут.

Перед тем как уйти, Кребс что-то долго копошился, даже дважды возвращался уже с лестницы: сперва он позабыл перчатки, которые положил на подоконник вместе с фуражкой; однако фуражку-то он надел, а вот перчатки не взял. Второй раз Кребс вернулся под предлогом, что забыл полевую сумку, которой у него вообще не было. Он уверял, что принес в ней документы от Геббельса и Бормана, хотя — я хорошо это помню — доставал бумаги из бокового кармана.

По его глазам и поведению было видно — генерал колебался: идти ему обратно в пекло или первому сдаться на милость победителя. Возможно, ждал, что мы объявим его пленником, с чем он охотно согласился бы.

Но зачем нам такой пленный! Целесообразнее было, чтобы он возвратился назад, так как мог способствовать прекращению кровопролития.

2 мая в 5 часов 50 минут прибыла делегация от Геббельса.

Делегатов трое, они в штатской одежде, с ними солдат в шлеме и с белым флагом. Даю указание, чтобы солдат вышел. Один из прибывших — правительственный советник министерства пропаганды Хайнерсдорф.

Спрашиваю:

— Что вы хотите и чем могу служить?

Хайнерсдорф вручает мне письмо в розовой папке.

Письмо за подписью доктора Фриче. Он писал:

«Как Вы извещены генералом Кребсом, бывший рейхсканцлер Геринг недостижим. Доктора Геббельса нет в живых. Я, как один из оставшихся в живых, прошу Вас взять Берлин

под свою защиту. Мое имя известно. Директор министерства пропаганды, доктор Фриче».

— Когда кончил жизнь Геббельс?

— Вечером, в министерстве пропаганды.

— Где труп?

— Сожжен. Его сожгли личный адъютант и шофер.

Гитлера тоже сожгли. Можно подумать, что главари третьего рейха избрали огонь средством очищения от земных грехов.

— Где сейчас начальник генерального штаба Кребс, который вчера по полномочию Геббельса вел с нами переговоры?

— Не знаем. Нам известен новый начальник штаба — генерал Ейнсдорф.

Позже стало известно, что Кребс застрелился. А что ему оставалось делать?

— Известны ли вам наши условия? Мы можем вести разговор только о безоговорочной капитуляции.

— Да, известны. Мы за этим пришли и предлагаем свою помощь.

— А чем вы можете помочь своему народу?

— Доктор Фриче просит дать ему возможность обратиться по радио к немецкому народу и армии, чтобы прекратили напрасное кровопролитие, принять безоговорочную капитуляцию.

— Будут ли войска выполнять его приказы?

— Его имя известно всей Германии.

...В 6 часов второго мая командир 56-го германского танкового корпуса генерал артиллерии Вейдлинг в сопровождении двух генералов своего штаба перешел линию фронта. Его привели ко мне.

Генерал Вейдлинг — человек среднего роста, сухощавый, собранный. В очках, волосы гладко зачесаны назад.

— Вы командуете гарнизоном Берлина? — спрашиваю я.

— Да, я командир пятьдесят шестого танкового корпуса.

— Где Кребс? Что он говорил вам?

— Я видел его вчера в имперской канцелярии. Я предполагаю, что он покончил жизнь самоубийством. Вначале он упрекал меня за то, что — неофициально — капитуляция была начата вчера. Сегодня приказ о капитуляции дан войскам корпуса. Кребс, Геббельс и Борман вчера отклонили капитуляцию, но вскоре Кребс сам убедился в плотности окружения и решил наперекор Геббельсу прекратить бессмысленное кровопролитие. Повторяю, я дал приказ о капитуляции моему корпусу.

— А весь гарнизон? Распространяется ли на него ваша власть?

— Вчера вечером я всем дал приказ отбиваться, но... потом дал другой.

Входит генерал Соколовский. Теперь Вейдлинг под перекрестным огнем.

— Куда уехали Гитлер и Геббельс?

— Насколько мне известно, Гитлер и его жена должны были покончить с собой тридцатого апреля.

— Это вы слышали или видели?

— Я был тридцатого апреля к вечеру в имперской канцелярии. Кребс, Борман и Геббельс мне это сообщили.

— Значит, это конец войны?

— По-моему, каждая лишняя жертва — преступление, сумасшествие.

— Правильно... Давно вы в армии?

— С тысяча девятьсот одиннадцатого года. Начал солдатом...— И вдруг у Вейдлинга начинается нервный приступ.

Выждав, когда немец успокоился, Соколовский говорит ему:

— Вы должны отдать приказ о полной капитуляции.

— Я не мог отдать всем приказ о капитуляции, так как не было связи,— объясняет Вейдлинг.— Таким образом, в ряде мест отдельные группы еще могут сопротивляться. Многие не знают о смерти фюрера, так как доктор Геббельс запретил сообщать о ней.

— Мы полностью прекратили военные действия и даже убрали авиацию. Вы не в курсе событий? Ваши войска начали сдаваться, вслед за этим прибыла гражданская делегация от Фриче с заявлением о капитуляции, и мы, чтобы облегчить ее задачи, прекратили военные действия.

— Я охотно помогу прекратить военные действия наших войск.

Он показывает, где еще остались части «СС». В основном вокруг имперской канцелярии.

— Они хотят пробиться на север,— сообщает Вейдлинг.— На них моя власть не распространяется.

— Отдайте приказ о полной капитуляции... Чтобы и на отдельных участках не сопротивлялись.

— У нас нет боезапасов. Поэтому сопротивление долго продолжаться не может.

— Это мы знаем. Напишите приказ о полной капитуляции, и у вас будет совесть чиста.

Вейдлинг набрасывает проект приказа. Я смотрю на часы: 7.50.

— Может быть, вам нужен ваш помощник? — спрашиваю Вейдлинга.

— О да, да! Это будет очень хорошо! — обрадовался генерал.

Приказываю позвать начальника штаба 56-го германского танкового корпуса.

Входит рослый брюнет — в монокле, волосы разделены отличным пробором, на руках серые перчатки.

Немцы советуются друг с другом. Вейдлинг держится за голову, но пишет. Потом читает вслух:

— «30 апреля фюрер покончил жизнь самоубийством и, таким образом, оставил нас, присягавших ему на верность, одних. По приказу фюрера вы, германские войска, должны были еще драться за Берлин, несмотря на то, что иссякли боевые запасы, и несмотря на общую обстановку, которая делает бессмысленным наше дальнейшее сопротивление. Приказываю: немедленно прекратить сопротивление. Вейдлинг, генерал артиллерии, бывший комендант округа обороны Берлина».

— Не надо «бывший», вы еще комендант,— поправляет Соколовский.

Генерал Пожарский спрашивает меня:

— Нужны ли формулировки о присяге?

— Не надо переделывать,— ответил я,— это его собственный приказ.

Вейдлинг в затруднении, он не знает, как озаглавить: призыв или приказ?

— Приказ,— говорю я.

Переводчик. Сколько экземпляров?

— Двенадцать... Нет, как можно больше... 11 часов 30 минут.

Адъютант докладывает: на самоходке приехал Фриче.

Мы стоим группой. Входит Фриче — в сером пальто, в очках, небольшого роста. На ходу читает бумаги. Молча садится. Переводчик рядом.

Фриче тоже принял условия безоговорочной капитуляции. Хотел он этого или не хотел, но то был неизбежный итог наших переговоров.

Соколовский (к Фриче). Мы заинтересованы в том, чтобы в Берлине было спокойно. Тем, кто беспокоится за свою судьбу, мы можем дать охрану.

Фриче. Немецкие полицейские органы разбежались, но можно их вновь собрать.

Соколовский. Нас полиция не интересует. Она будет причислена к военнопленным. Нас интересуют чиновники администрации. Мы им обеспечим охрану. Ущерба им не будет.

Фриче. Я вам писал письмо как последний ответственный представитель правительства. Я написал его, чтобы предотвратить кровопролитие.

Соколовский. Ваш вынужденный жест нам понятен.

Фриче. Я бы хотел расширить документ, для чего мне нужно связаться с Деницем.

— В десять часов утра,— сообщил я,— Дениц обратился к армии и народу с заявлением, что он принял руководство и до конца продолжает борьбу с большевизмом, а также американцами и англичанами, если они будут мешать. Но он не страшен: кишка тонка!

Фриче. Я этого не знал.

Соколовский. У вас все?

Фриче. Где я должен находиться?

Соколовский. Здесь. Ждите наших новых указаний.

Радостное сообщение из штаба армии: наши части встретились с ударной армией генерала Кузнецова. Бой в районе рейхстага, имперской канцелярии и во всем Тиргартене закончился. В Берлине стало тихо.

— Наступает конец войны,— возбужденно сказал Василий Данилович Соколовский.

Симона и Жак-Ив Кусто.

ВИЗИТ В ПОДВ... ДОМ

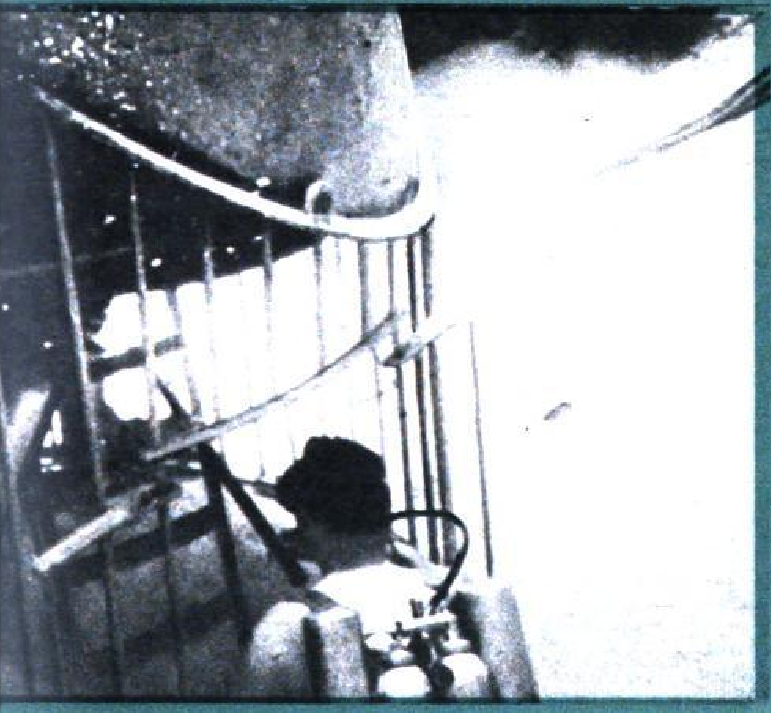
Корабль-база Кусто.

ОДНЫЙ

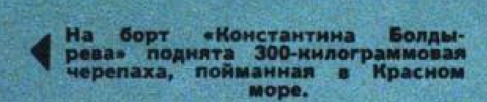
Недавно в Советский Союз из длительного заграничного плавания вернулось научно - исследовательское судно «Константин Болдырев». Во время пребывания в Красном море начальник экспедиции старший научный сотрудник Борис Сергеевич Соловьев посетил подводный городок известного исследователя, директора Монакского океанографического института Жака-Ива Кусто, которого знают в Советском Союзе по фильму «В мире безмолвия».

Вот что рассказал Б. С. Соловьев об этом визите нашему корреспонденту.

Фото Б. СЕРГЕЕВА и В. ТЕМИНА.

Вход в подводный дом.

На борт «Константина Болдырева» поднята 300-килограммовая черепаха, пойманная в Красном море.

Б. С. Соловьев с сувенирами, добытыми на морском дне.

«Константин Болдырев» прибыл в порт Судан. Каково же было наше удивление, когда утром мы увидели, что рядом с нами, борт о борт, стоит корабль «Калипсо», а по его палубе прогуливается миловидная женщина, хорошо знакомая по фильму «В мире безмолвия»... Это была Симона, жена Кусто. Тут же мы узнали другого персонажа этой картины — боцмана Мориса. Мы тотчас вступили с ним в переговоры. Тридцатилетний атлет страстно увлечен подводным спортом, он работает на корабле уже десять лет.

Вскоре в разговоре приняла участие и Симона. Она сказала, что «Калипсо» пришел пополниться припасами и, в частности, пресной водой для жителей подводного городка. Сам Кусто сейчас находится в одном из подводных домиков на рифе Шааб-Руми, однако в ближайшие дни прибудет в порт.

Действительно, через некоторое время «Калипсо» снова пришел в Судан. На этот раз на его борту находился и Жак-Ив Кусто. Ученый сообщил, что у него давно родилась идея поставить опыт с целью проверить, как долго может прожить человек под водой, и сейчас он осуществляет ее. «Ваша страна осваивает космос, а мы осваиваем подводный космос»,— сказал он. Для этого на дне Красного моря Кусто создал подводный городок. Он состоит из двух домиков. Первый расположен на глубине 11 метров, второй — на глубине 25 метров от поверхности моря. Сделаны они из стали. Поскольку давление воды на этих глубинах различное, то соответственно и форма домиков разная. В центре верхнего домика имеется возвышение, от которого расходятся четыре комнаты и прихожая. В одной из комнат расположена научная лаборатория, в другой — кабинет, в третьей — все хозяйство и в четвертой — просторный холл с большим иллюминатором для научных наблюдений. Там же установлен телевизор с тремя экранами: для связи с подводным домиком, расположенным на глубине 25 метров, с кораблем-базой и для обозрения подводного мира.

Второй домик иной. Давление воды на глубине 25 метров достигает двух с половиной атмосфер, поэтому сооружение приняло цилиндрическую форму. В этом домике всего одна комната. В ней живут два исследователя. Чувствуют они себя прекрасно, регулярно сообщают по телефону о результатах научных наблюдений.

Подводные домики имеют постоянную телефонную связь между собой и с базой, они радиофицированы и электрифицированы. В своеобразных жилищах этого капитана Немо XX века имеется и все необходимое для нормальной жизни. Воздух подается в домики по специальному шлангу с базового корабля. Излишки его выходят через клапан, расположенный на крыше. Там, наверху, все время бурлит вода, как будто из трубы идет дым. В заключение Кусто предложил посетить подводный городок.

Наш маршрут проходил как раз вблизи рифа Шааб-Руми, я, конечно, с радостью согласился.

Расположение городка выбрано очень удачно. Риф представляет собой огромную подкову, вход в которую возможен только в одном месте. Место это обозначено четырьмя буйками. Наш капитан Л. А. Плотников мастерски провел корабль между буйков, и мы бросили якорь внутри рифа.

Перед нами открылась необычная панорама исследовательской базы. От главного корабля, стоящего на якорях, отходит мост. По нему к подводным домикам подводятся электро- и радиокабели и воздушные шланги. Отдельно стоит экспедиционное судно «Калипсо» с батискафом «Дениза». В этом батискафе, кстати, можно погружаться на глубину до 300 метров. «Дениза» способна передвигаться самостоятельно со скоростью до одной мили в час и имеет специальное приспособление для захвата обитателей моря прямо с его дна. В батискафе могут находиться два человека.

К нам подошел катер. Капитан и боцман «Калипсо» пригласили нас на свой корабль и сообщили, что супруги Кусто ждут нас у себя... на морском дне.

Как же попасть к ним?

А очень просто: вот акваланг, вот маска, вот ласты... Кроме того, нужно иметь отрицательную плавучесть, то есть быстро погружаться в воду. Если вы ею не обладаете, помогут специальные пояса со свинцовыми грузилами...

Итак, я спускаюсь в подводный городок вместе с боцманом Морисом.

В Красном море много акул, и среди них есть акулы-людоеды. Путешествие, конечно, связано с известным риском. Вон у Мориса на ремне подводный нож, с которым он никогда не расстается. Однако воспользоваться им ему ни разу не пришлось. Акулы, как правило, сразу не нападают на человека, находящегося под водой, они ходят вокруг, на близкое расстояние не подплывают. Если же акул много, то исследователи забираются в специальную клетку. Правда, был такой случай, когда во время съемок их атаковала целая стая акул. Кинооператоры стали спиной друг к другу и тупыми палками отталкивали близко подплывающих хищниц. Морис объяснил, что ни в коем случае нельзя акул отталкивать острым предметом — так можно ранить акулу, а запах крови раздражает их, и они начинают с яростью нападать. К счастью, акул мы на сей раз не встретили.

Погрузившись под воду и увидев всю прелесть подводного царства, я позабыл об опасности...

Минут через пятнадцать, лавируя среди кораллов, мы подплыли к домику. Первое, что мне бросилось в глаза, был огромный иллюминатор в стене. Через толщу воды пробивался свет, и можно было рассмотреть, что делается внутри. А внутри находились Симона и Жак-Ив Кусто. Заметив нас, они приветственно замахали руками. Вот и ступеньки подводной лестницы-трапа, по которой можно подняться в домик.

Я предполагал, что сначала попаду в камеру, наполненную водой, и только после откачки воды смогу войти в помещение.

Ничего подобного! Я сделал три шага по трапу, и моя голова очутилась на поверхности воды, а еще ступив шаг, я оказался в большой прихожей, где, как и в обычной прихожей всякого дома на земле, имелась вешалка. Только вместо пальто, зонтиков и шляп висели на ней акваланги, маски и ласты.

В прихожей нас встретила хозяйка подводного домика. Пожав нам руки, она пригласила в просторный холл. Супруги Кусто были здесь не одни. В холле ожидало нас целое общество — сотрудники лаборатории.

Жак-Ив Кусто представил мне своих друзей. Два исследователя прожили, оказывается, месяц в домике на 25-метровой глубине и готовятся к выходу на поверхность. Они выглядят отлично. Из своего глубинного жилища они опускались с аквалангом до 110 метров, производили научные наблюдения и проверяли свое собственное состояние.

Меня подозвали к иллюминатору. За окном парил аквалангист. В его руках была стеклянная банка, он вынимал из нее корм и бросал рыбам. Те, нисколько не опасаясь человека, окружили его. Рыбы настолько привыкли к такой кормежке, что собирались на обед всегда в определенное время, как в столовую...

Жак-Ив Кусто включил телевизор. На экране возник окружающий нас сказочный мир: необыкновенной красоты кораллы, рыбы всевозможных форм и расцветок...

Затем Кусто провел меня в подводную лабораторию. Вся первичная обработка собранного научного материала производится здесь, в глубине моря. Наш разговор прервала мадам Кусто, пригласившая всех к столу. Кстати, он был щедро накрыт и ничем не отличался от «сухопутного»... После купания аппетит у нас был отличный. Подняв бокалы с виски, мы провозгласили тост за большие успехи этой удивительной экспедиции на дне моря.

Оснащенная новейшими приборами и аппаратами, экспедиция, бесспорно, принесет много нового и ценного в изучении поведения рыб, строения косяков, распределения кормовых ресурсов... Накопит она уникальные сведения и о человеке, долгое время находившемся под водой. Ведь в Красном море экспедиция работает более пяти месяцев. За это время заснято полтонны кинопленки. В ближайшие полтора года Кусто намерен выпустить новый фильм об освоении подводного космоса.

Марсель в Бере

Арк. **МИНЧКОВСКИЙ**

Рассказ

Рисунок Е. Ведерникова.

История эта берет начало еще с военных лет, когда я, понятно, был на фронте. А тут у нас в деревне угнали в Германию девчат. Самых что ни на есть заметных и так не свыше семнадцати лет. Попала среди них и дочь моей соседки Матрены Дмитревны. Таисья, Таська по-простому. Девица завидная. Митревне сейчас шестой десяток, а тогда еще была женщина молодая. Муж ее, Тихон, колхозный шофер, с первого года войны в без вести пропавших. У них четверо было — все девчата. Ну, старшую и забрали. Увезли ее, как рассказывали, в Саксонию — земля такая немецкая есть. Сперва письма писала. Мать как получит, к соседям — и реветь. А потом сообщает: «Полюбила я тут, мама, такого, не хуже, как я, угнанного, француза по нации, и он меня полюбил. И, выходит, вместе нам теперь горькое наше житье переживать».

Тут вскоре пришла победа. Согнанный немцами народ с разных стран, кто жив остался,— по домам. Ждут Таисью, а та не едет. Не может, значит, со своим французом разлучиться. Да так, вместо того чтобы в Березняки,— во Францию за ним подалась. Отрезанный, стало быть, ломоть. Но что ты с бабой будешь делать — любовь!

Ну, пока мы первые годы мыкались, подымали свое колхозное хозяйство, Таисья там, в городе Дижон, вышла замуж по ихним законам. Писала, что до смерти хотела бы родню повидать, но дело это невозможное потому, что ждет прибавления. Одним словом, семья!

Так вроде все на том и застряло. У нас всяких своих дел с перестройкой сельского хозяйства — не до Таисьи. У них свои буржуазные трудности. А тут вдруг третьего года зимой приходит в правление та самая Матрена Дмитревна — в руках письмо с заграничными печатями — и прямо к председателю.

— Вот,— говорит,— Максим Андроныч, какие новости немыслимые. Дочь моя, с мужем Марселем и внучатками едут в гости. Туристами называются. Не знаю, что и делать. Кабы одна Таисья, так что там, а то с французом. Кто знает, как принимать. Дом у меня хоть и ничего, и есть чем угостить, да, поди, он к городской жизни, к ванным комнатам, к мягким мебелям привык...

Наш председатель Максим Андронович, человек хоть и в академиях не ученый, а башковитый. Колхоз из бедности еще в первые послепобедные годы вывел, а теперь — куда, живем не тужим, собираемся жить лучше.

Так вот, повертел он конверт и говорит:

— Ничего особенного тут, Матрена Дмитриевна, нет. Человек как человек, хоть и из Франции. Помнится, писала твоя Таисья: рабочий человек, механик. Но все же дело в своей мере политическое, и хоть ты колхозница передовая, одну тебя оставить тут нельзя. А чтобы не получилось никакой некультурности и чтобы во Франции знали, что из себя наши Березняки являют, следует принять твоего зятя по всем законам гостеприимства и для этой цели в помощь тебе небольшую инициативную группу выделить.

Ну, создалась группа. На первый случай в нее вошел заместитель председателя Сивухин. Он у нас все больше по снабжению. Потом Ия Павловна — учительница, что как раз французскому в школе учит. Еще по молодежной линии Витька Колотушин. Тот и дирижер духового оркестра, и первый ухажер, и другая самодеятельность. Ну, конечно, Матрену Дмитревну, как человека тому делу непостороннего.

Насчет угощения Максим Андронович посоветовал, чтобы водки было поменьше, а выставить вина шампанского, которое как раз у нас на полках в сельпо третий год без спросу пылилось, а французам, говорит, без него зарез.

Сивухина с Ией Павловной за тем, чего у нас нет, в город направили. Ия Павловна моментом воспользовалась — уговорила приобрести статую — бюст французского классика по фамилии Вольтер. Ну, книг разных, не наших, чтобы гость на отдыхе не заскучал. По требованию Колотушина искали еще французских нот, но только что и привезли гимн «Марсельезу».

Вскоре и телеграмма из Москвы. Дескать, едем, встречайте! Самые морозы шли. Станция от наших Березняков семнадцать километров. Сивухин идею выдвигает.

— Хорошо бы,— говорит,— этого француза до деревни на тройке домчать. Машина что, она везде машина, а тройка — дело звонкое, русское!

Послушали. Соорудили тройку. Как положено, с бубенцами — у деда Евдокима отыскались. Для Матрены Дмитревны и ее семьи Максим Андронович не пожалел колхозной «Победы» на высоком ходу. Ию Павловну с собой взяли, Колотушина — он во всем впереди. Прибыли. Ждут.

В положенный час подходит московский почтовый. Бегут наши к вагону, который в телеграмме указан. И что же видят?

Сперва спрыгивает на платформу куда как еще молодой мужчина. Лицо бритое, смуглое. В плечах не сказать узок, но и особого размаху нет. Курточка на нем вязаная, вроде бабьей кофты. Сделал всем привет ручкой. Дескать, спасибо за встречу — и уже снимает с площадки своих мальцов. За ними два чемодана стаскивает, а тут уж и жену — Таисью нашу, как что-то бьющееся, аккуратно на руки берет и на платформу ставит. Ну, сцены, понятно, семейные. Матрена с дочерьми к своим кинулись. Обнимают Таисью, разнолеток целуют, с французом осторожно здороваются.

Витька Колотушин для усиления значения момента хотел было приветственное слово рвануть. Мигнул Ие Павловне: переводи, мол... Но только и сказал:

— Здравствуйте!

Француз сразу же обеими руками давай ему руку трясти.

— Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте...

Совершенно переводить нечего.

Только гости хоть и растроганы встречей, а уже дрожат, зубами стучат. Еще бы! Февраль, а на отце и сынах тоненькие беретки. Да что там французы — Таисья наша! Видно, девке на чужой земле все свое позабылось. Простоволосая и тоже в куртенке, а брючки синие, в обтяжку всех форм. Кино, да и только!

Тут поторопили Матрену. Дескать, доплачешь свое по дороге, и поскорей их в председательскую машину. А уж на тройке с бубенцами свои до деревни мерзли!

Прибыли гости удачно. Воскресенье было. Все по-праздничному. На столе — что там наша продукция... Деликатесного из города навезено всякого. Ну, француза с Таисьей во главу стола. Максим Андронович поблизости. Деда Евдокима как почетного старика позвали. Он по такому случаю весь в медалях явился. Три у него еще с той германской войны в сундуке пролежали, а уж четвертая — наша, советская.

зняках

Дед волосы на две стороны расчесал, уселся. Лишних слов не роняет.

Марсель сразу к нему и пальцем в медали. Гранд-папой называет, интересуется, за что награды у деда. Но Евдоким Изотович отвечать не стал. Об этом, сказал, речь дальше пойдет.

Первую, как полагается, подняли за мир и за дружбу. Далее — за Францию, страну уважаемую и в прошлом союзницу. За ее трудовой народ. Марсель во все стороны:

— Мерси вам, спасибо!.. Мерси!..

И сам в ответ: «Виват!» Только вот удивление. Никаких шампанских пить не стал, а облюбовал нашу белую. Да так на нее приналег... Стопку опрокинет — и большой палец вверх: «Бом! Бом!» Вполне то есть русский вкус одобряет.

Некоторые из колхозного актива за столом перемигиваются. Рады, что человек с понятием. Но сами, между прочим, ничего, держатся.

Разговоры пошли разные. Какая погода во Франции и что в ихней местности на полях растет. Ия Павловна с Марселем ловко так изъясняются. Тот весь в удивлении, что у нас в деревне ребятишек французскому учат. Но больше все внимание к закуске.

Надо сказать, и тут не как ждали. К деликатной полное равнодушие, а как до наших березнянских огурчиков добрался, так даже застонал. Схрустнет половинку и соседа по плечу бах! Такая у него привычка свое удовольствие показывать.

Ну, так слово за слово, что в смех, что всерьез. Пора бы уже и кончать. Но только видим, наш гость от стола не спешит. А тут еще такая штука не в лад. Дед Евдоким по недосмотру соседей пропустил лишнюю, и поделать уже ничего нельзя. Поднялся он с места. По столу вдруг ладонью хлоп и громко заявляет.

— Это,— говорит,— все бирюльки да пардоны. Мы тоже парле франсе понимаем, а ты его, Ия Павловна, спроси, по каким правам он на Россию в двенадцатом году шел?!

Учительница лицом вспыхнула. Не смеет и переводить. Марсель глазами мигает. Понять не может, про что речь. Гости в замешательстве, а дед свое:

— Пусть он мне докладывает, зачем ему с ихним Наполеоном Москва наша потребовалась, или, может, ему, французу, как германскому кайзеру и Гитлеру, чужой земли надо?

Максим Андронович, наш председатель, урезонить его хотел:

— Это ты, дед, лишнее. Совершенно твои вопросы даже неуместные. Человек приехал в гости.

Но деда разве уймешь!

— Я ведь не скандалю,— шумит.— Я вполне дипломатично интересуюсь. И насчет Алжира пусть ответ перед всем миром дает. Почему он там безобразничал?

Тут уж и женщины видят: в голове у деда вся политика перемешалась. В голоса ударились и общим пением старика заглушили.

А тут подоспело время в клуб. Там молодежь собралась. Эти уже и Таисью не помнят. Она им тоже вроде иностранного гостя. Как вошли, Витька Колотушин махнул своему оркестру, и те во все медные трубы эту «Марсельезу». Но то ли у них мотив от старания не получился, то ли Марсель от принятого за столом недопонял, что играют, только в ладони захлопал и требует:

— «Катюшу»!.. «Катюшу»!

Танцы пошли. Он и тут отличился. Ловко так ногами выворачивает. К девчатам, к какой подскочит. Голову вниз — прошу, моя. Одним словом, кавалер. Хвать — и уже в центре зала. И девчат все позаметней выбирает. Но Таисья ничего. Без ревностей. Потому что у них на этот счет... В общем, наших строгостей нет. Ну, а девицы, те прямо в нетерпении ждут, когда их Марсель подцепит. До того дошло — некоторые парни коситься стали.

Есть это в женском поле. Все им заграничное поинтереснее своего. Даже обидно бывает. Весной к нам делегация из Венгрии приезжала. Народ наш, простой, крестьяне. Только что в шляпах. Так нет же. Каждая вырядилась, и все норовят навстречу попасть. А тут куда там, француз! Причесан до блеска. Манеры всякие. Культура... Смех — и тот не наш.

Но насчет культуры картина потом прояснилась. На второй день повели его туда, сюда, хозяйство показывать. В школу всей компанией направились. Школа у нас новая. На полках за стеклами чучела, скелеты всякие. Есть чему порадоваться. Но главный козырь в голове-бюсте того самого Вольтера намечался. Вот, дескать, хоть у нас и своих классиков не один шкаф и не хуже они будут, а чужой ум в почете.

Ну, Ия Павловна подводит француза к статуе и ждет, что тот сейчас что-нибудь прочувствованное скажет. А Марсель на других смотрит и тоже чего-то ждет. А потом показал на бюст и спрашивает:

— Что это у вас тут за милая старушка?

Учительница никак такого не ожидала. Не знает, что и сказать. У Сивухина, который тут же от правления был, даже сердце екнуло. Неужели, думает, в городе надули: вместо великого человека старушку подсунули!

Но тут выяснилось, что Марсель в школах обучался мало и до этого классика не дошел. Похлопал он своего земляка по белой шее. Теперь-то, сказал, я его запомню, поскольку в России познакомились. Ну и пошел, посвистывая.

А во всем другом, оказалось, парень свой, простой и веселый. Полюбился он всем. А что язык не наш, так это вскоре как бы и замечать перестали. Вполне даже объясняемся. С утра, как проснется, всякий спешит в свой дом зазвать. Ну, понятно, и угостить как водится. А Марсель не отказывается ни от каких приглашений и угощений. Начинается все гладко, а уж кончается непременно шумом и песнями. Тут уж француз целует всех, обещает помнить по гроб жизни и требует, чтобы приезжали к нему в город Дижон.

Таисья тем временем ходит по своим старым подружкам. Те, конечно, в расспрос: как она в этой самой во Франции живет и по своим не скучает ли?

Ну, Таисья отвечает, что живет вполне хорошо и всем вроде довольна. А все же глядят подруги, чего-то девка не договаривает. Скажет, и глаза в сторону. Про что-то свое думает. Ну, а мальчишки? Те как валенки и ушанки понадевали, вовсе от наших не отличишь. С горушки на ледянках, на скамейках, на чем попало... Наши им по-французскому: «Эй, мусье! Мерси боку...», а те в ответ: «Будь здоров, друг сосиска!» Какой-то озорник их научил.

Ну, в общем, так привыкли мы к ним — вроде свои.

А тут вдруг в какой-то из дней пропал Марсель. Хватились, говорят, видели — дед Евдоким его к себе потащил. Ну, думаем, гляди, опять к Наполеону метнется, доведет парня.

Послали за ним Таисью. И что же, представьте: сидят за столом в самом дружеском расположении. Перед ними пустая посуда и такой разговор: дед Евдоким в первую германскую войну во Франции служил, в русском корпусе. Потом ранен был и отправлен домой. Но пока до боев не дошло, завел он в том селе, где стоял, подружку. Первую, как заявлял, красавицу, которая его все яблочным вином поила. Так вот теперь подвыпил и требовал, чтобы Марсель сообщил во Франции, что Евдоким жив и кланяется.

Марсель всей душой, но загвоздка. Дед только и помнит: звали его знакомую Терезой и живет она в деревне, которая, если во Францию с моря попадать и проходить город Руан, так сразу после мельницы налево...

Марсель все поточней хочет дознаться, а дед одно:

— Как во Францию войдешь, аккурат влево, тут и есть!

Вот так и бьются. Еле растащили.

Дед после этой истории то ли от лишнего выпитого, то ли от приятных воспоминаний занемог. Думали, уж не встанет. Да нет, отдышался. До сих пор скрипит. А французу, тому хоть бы что. На другой день как ни в чем не бывало улыбается и опять в гости готов.

Но тут уж, замечаем, председатель, хотя и молчит, а в некотором недовольстве. Конечно, мы за связи, но, только... что получается... то один на работу не выйдет, то другой к концу дня веселенький притащится, и все на француза ссылаются. Дескать, доказывали ему свое гостеприимство.

Однако всему свой черед. Пришло время и прощаться.

Провожать их на станцию народу куда как набралось. Бочоночком огурцов на дорогу снабдили. Одним словом, едут. Марсель со всеми обнимается, за хорошую жену благодарит. Как с родным расстаемся. Дети с той и другой стороны по-свойски друг друга дубасят. Матрена Дмитревна, наблюдаю, хоть и взгрустнула, но виду не доказывает. Таисьины сестры тоже ничего, без лишнего. Словом, проводы достойные. Тут и дымок паровозный в снежной дали затемнел. День такой ясный — мороз с солнцем — стоял. Примолкли все. Предотъездная минута. Сейчас увезет московский наших гостей в ихнюю Францию. Вздохнула тут наша Таисья и говорит:

— Куда же я от всех вас, от родных своих? Мне, может, Березняки каждую ночь снились, и вы все, и снег этот белый...

Ну, тут как раз поезд и подошел. Подняли их поскорей, усадили в вагон, а Таисья на площадке осталась, все машет рукой и платок к глазам прикладывает.

Нелегко, видно, уезжать от родной земли.

УЧИТСЯ В МОСКВЕ ЁККА САТО

И. ВЕРШИНИНА

Занятие ведет профессор Леонид Коган.

По-русски Ёкка Сато говорит быстро, не задумываясь над подбором слов. Но оттого, что слов в запасе не так уж много, фразы лаконичны и потому звучат особенно убедительно.

— У нас в Японии все музыканты мечтают учиться в Москве. Во всем мире музыканты мечтают учиться в Москве. Замечательные профессора. Великолепная школа.

...Московская консерватория имени Чайковского. По этим коридорам ходили Рубинштейн, Лядов, Танеев, Рахманинов, Нежданова... Высоченные, торжественные, белые двойные двери классов; они не распахиваются, они приоткрываются медленно и осторожно. И тогда в коридор чуть слышно доносится музыка.

За этой дверью звучит скрипичный Концерт Моцарта. И, хотя наше присутствие на уроке согласовано было с профессором Коганом, страшно было своим появлением помешать музыке. Но Ёкка Сато — а это она разучивала Моцарта,— казалось, даже не заметила нашего прихода — ни лишней паузы, ни смены ритма... Играла девочка без нот, играла без запинки. Можно было подумать, что это последняя репетиция перед ответственным выступлением, а не обычный, рядовой урок. Предельная сосредоточенность, собранность. Сейчас Ёкка кажется гораздо старше — решительное выражение лица, губы плотно сжаты. Все ее внимание поглощено скрипкой и педагогом.

Не глядя на него, она поразительно чувствовала малейшее движение его рук, выражение глаз, не говоря уже о замечаниях и поправках, которые она воспринимала буквально по первому слову.

Нет, не ошибся прославленный скрипач, когда согласился заниматься с девочкой, лишь раз услышав ее.

Это было в Токио. Леонид Коган приехал впервые туда на гастроли. После одного из концертов профессор Суми, известный японский педагог, просил его послушать самых талантливых своих учеников. Их было 14, и среди них самая маленькая — Ёкка.

А в ноябре 1959 года отец провожал их на аэродром — ее и маму. На огромном реактивном самолете вместе с советскими артистами — это возвращался с гастролей Ансамбль народного танца — десятилетняя Ёкка Сато летела в Москву, чтобы научиться играть на скрипке так, как играют советские музыканты.

— Ёкка — очень способная девочка,— говорит Леонид Борисович.— В ней сочетается врожденный артистизм с большим музыкальным и техническим мастерством. Она единственный ребенок в моей педагогической практике, но заниматься с ней порой интереснее, чем с иным аспирантом. За пять лет наших занятий Ёкка ни разу не пришла с невыполненным уроком, недаром она уже давно проходит программу консерватории. Девочка поразительно трудоспособна, даже слишком...

Мне довелось еще раз убедиться в этом, когда я побывала у Ёкки Сато в консерваторском общежитии.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Перед концертом.

Урок сольфеджио в Центральной музыкальной школе.

На дверях квартиры возле звонка русскими буквами написаны бразильская, итальянская, немецкая, китайская и японская фамилии ее обитателей. И обращение: «Звоните правильно, а то отрывается». Как только я переступила порог, мощный поток звуков обрушился на меня: перекликались контрабас, виолончель, скрипка, да не одна... Ёкка в своей комнате спокойно играла.

— Вам не мешает этот оркестр? — не удержавшись, спросила я.

— Какой?— не поняла девочка, а потом безмятежно ответила: — Нет, конечно, нет.

Она попросту не слышала ничего, кроме своей скрипки.

Это была комната музыканта: проигрыватель со стереофоническим звуком, граммофонные пластинки — Бетховен, Рахманинов, Чайковский — симфонии; ноты, книги: Шекспир и Лермонтов. И скрипка — драгоценный Страдивари. Ее взяли для японской девочки из коллекции за несколько месяцев перед первым выступлением маленькой скрипачки в Москве. В Большом зале консерватории с оркестром под управлением К. П. Кондрашина двенадцатилетняя Ёкка Сато играла концерты Моцарта и Хренникова. Потом ее слушали в Ленинграде, Киеве, Горьком, Ярославле, на родине — в Токио, куда она ездила вместе с Коганом в 1963 году, в Болгарии.

А ведь в это же время Ёкка успела разучить еще четыре концерта, сонаты...

— Сколько же времени занимаетесь вы дома? — спрашиваю я скрипачку.

Девочка пожимает плечами.

— После завтрака и до обеда.

— А после обеда?

— После обеда опять занимаюсь. Часов восемь получается в день, да?

Восемь часов в день! Об этом мне сказал и Леонид Борисович. Восемь часов только простоять на ногах, восемь часов только подержать скрипку в руках!.. А Ёкка ведь еще играет, да как!

Восемь часов зимой. А за окном пушистый снег, снежки, санки, коньки, лыжи; дети ходят на елку, и ей в Центральной музыкальной школе предлагают билеты в Колонный зал, в Лужники. Пойди, Ёкка! Нет, ей нужно заниматься.

Восемь часов весной. Против окна общежития — школа. Не успевает прозвучать звонок с урока, как ребята стремительно вырываются из дверей; у девочек прыгалки, мальчишки с футбольным мячом. По переулку несутся самокаты, звенят велосипеды... Ёкка, неужели и сейчас не хочется тебе на улицу?

Нет. Она занимается.

Летом все студенты уезжают домой на каникулы. Ёкке Сато Советское правительство предоставляет бесплатный проезд на родину, чтобы девочка могла повидать отца. (Сотрудник небольшого журнала, сам он не имеет средств ездить к семье.) Девочке дают бесплатные путевки в Дома творчества, к морю, к солнцу, но она не едет.

Она любит море, но там плохо заниматься. То ли дело дома (так она называет общежитие), на Кисловском, в пустой квартире!..

И она занимается — играет, играет восемь часов в день.

— А когда Ёкка начала учиться музыке?

Ей было три года, когда она поступила в Школу талантов. В Японии много таких школ, где с трехчетырех лет детей обучают игре на скрипке.

Никаких особых дарований ни родители, ни педагоги в ребенке не замечали, но мама очень хотела, чтобы девочка училась. Всерьез музыкой она стала заниматься позднее.

— Когда?

— С четырех лет,— отвечает Ёкка.

— И сразу по восемь часов в день?

— Нет, тогда играла мало — трichетыре часа. Восемь—стала играть в Москве. Я ведь учиться сюда приехала, надо много заниматься.

И она показывает мне ноты — те, что сейчас разучивает.

Концерт Чайковского!

— Скоро III Международный конкурс Чайковского. Леонид Борисович сказал, что я могу играть на нем.

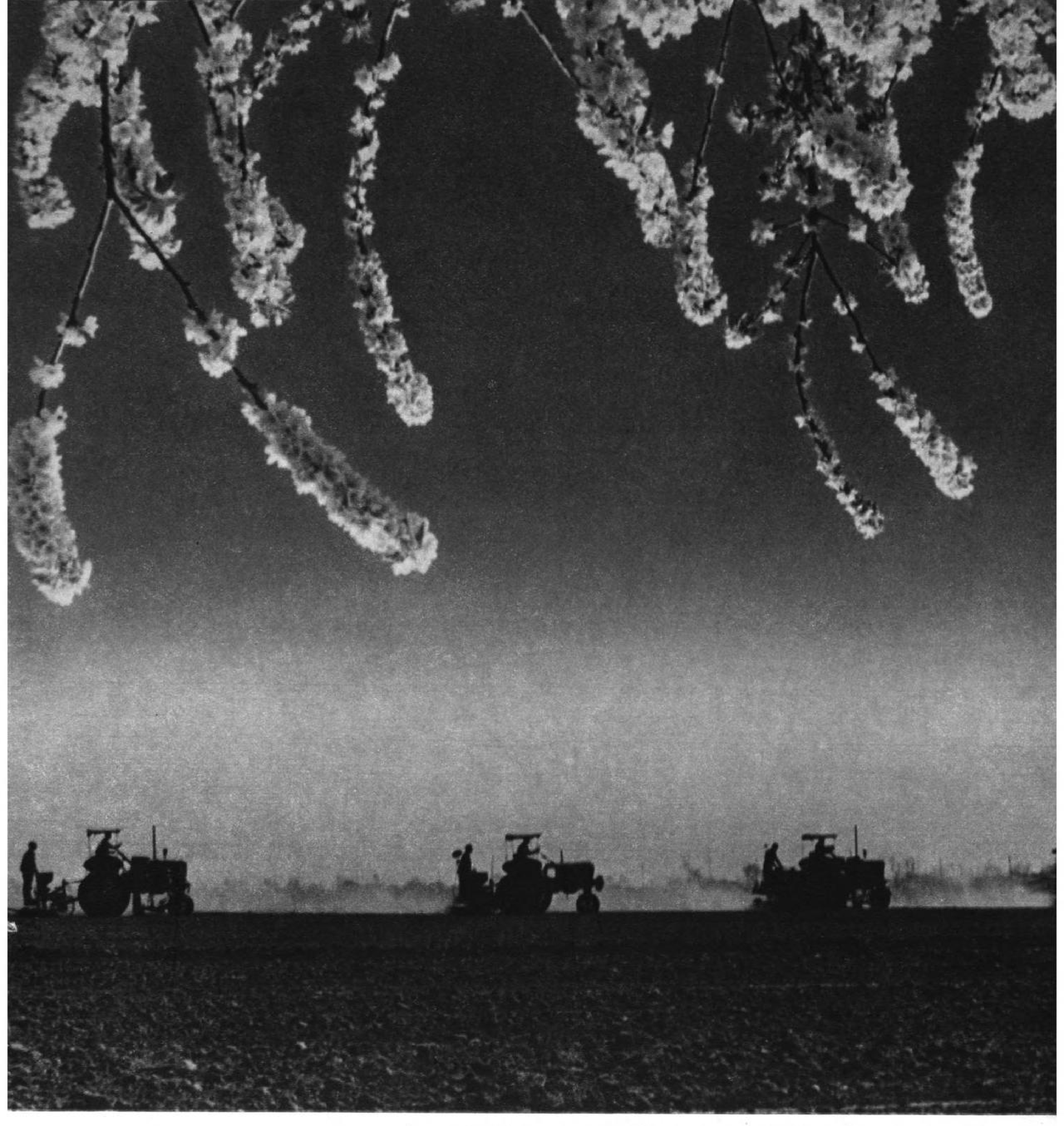
— Скоро?!

— Да, в шестьдесят шестом году. Надо готовиться!

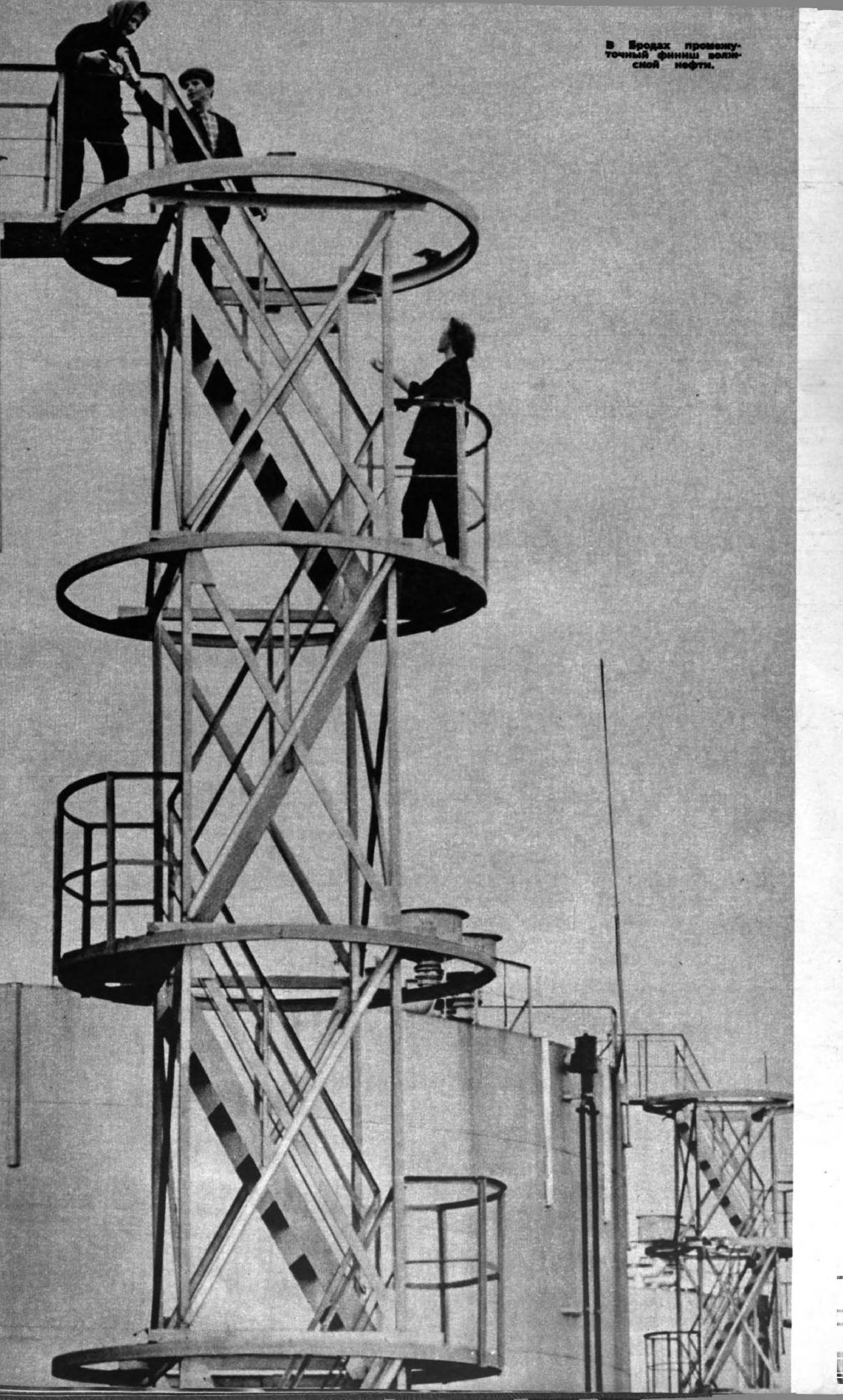
Передовые сборщицы хлопка колхоза имени Ленина Пянджского производственного управления Таджикистана комсомолки Кергизбегим Ходжаназарова и Савринос Гульматова.

Сев хлопка в колхозе имени Карла Маркса Курган-Тюбинского производственного управления.
Фото М. САВИНА.

ДРУЗЬЯ ИДУТ К ДРУЗЬЯМ

В Бродах промежуточный финиш волжской нефти.

А. УЗЛЯН, О. КУПРИН

Нефтепровод «Дружба» и энерготрасса «Мир» идут на запад одной дорогой. В Карпатах серебристая труба нефтепровода то и дело выныривает из-под земли, словно хочет убедиться: не отстал ли друг? Нет, все в порядке. Опоры электропередачи шагают рядом, осторожно ступают по горным склонам, боясь потревожить покой в царстве подснежников и фиалок.

Бежит по трубе в Чехословакию, Венгрию, Польшу, в ГДР волжская нефть. Качают ее насосы, сделанные в ГДР по советским чертежам. В диспетчерской Бродовской нефтеперекачивающей станции выстроились три щита с десятками приборов. Щиты тоже разных национальностей — венгерский, немецкий и наш работают, как говорят, в общий котел.

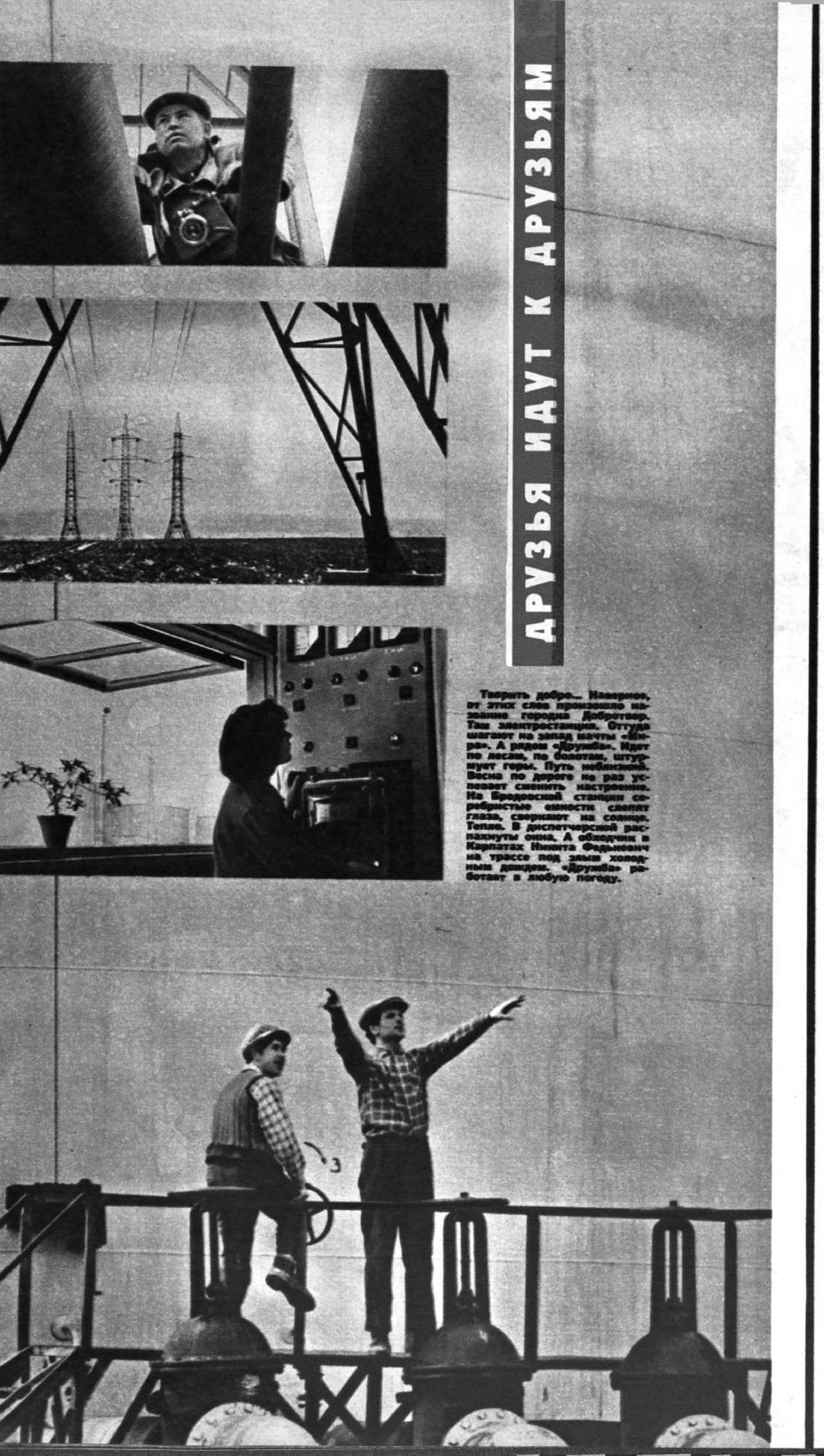
А куда держат путь мачты «Мира»? Точный адрес указать трудно. 800 миллионов киловатт-часов — советский взнос в энергосистему «Мир» — перенесли в прошлом году на своих стальных плечах мачты нашей энерготрассы. Сейчас ток идет в Венгрию. В прошлом году энергетические затруднения испытывала румынская промышленность — и украинские турбины пришли на выручку румынам. На венгров в это время работали польские электростанции, а их продукцию передавала адресату чехословацкая линия электропередач.

Тихо в Карпатах, тихо на трассе. Ушли отсюда строители, унесли с собой грохот экскаваторов и трубоукладчиков. Остался лишь шорох насосов да телефонные звонки в Чехословакию, в Венгрию... Связь прямая. Где-нибудь в карпатском селе Козеве стоит только набрать одну цифру на телефонном диске — ответит чехословацкая станция. Сначала информация, сколько принято нефти, потом приветы друзьям и знакомым, беседы о театре, космосе и цветах.

На трассе происшествий никаких нет, но обходчики, бригады ремонтников каждый день отправляются в путь. Пешком, на лошади или на гусеничном вездеходе. «Мир» и «Дружба» работают в любую погоду: в дождь и в туман, в морозную новогоднюю ночь и в ясное первомайское утро.

На трассе.

ДРУЗЬЯ ИДУТ К ДРУЗЬЯМ

Творить добро... Наверное, от этих слов произошло название городка Добротвор. Там электростанция. Оттуда шагают на запад мачты «Мира». А рядом «Дружба». Идут по лесам, по болотам, штурмуют горы. Путь неблизкий. Весна по дороге не раз успевает сменить настроение. На Бродовской станции серебристые емкости слепят глаза, сверкают на солнце. Тепло. В диспетчерской распахнуты окна. А обходчик в Карпатах Никита Федькович на трассе под злым холодным дождем. «Дружба» работает в любую погоду.

Немало на своем журналистском веку перелистал я книг отзывов и предложений, но таких восторженных записей не встречал.

«Реально ощутил себя в XX веке!»

«Очень понравилось! Восхищен!»

«Видела его и слышала. Особые нотки в голосе, жесты...»

И шутливая просьба:

«Притащите эту штуку ко мне домой, буду очень признателен! Ну, хотя бы в ближайшем будущем...»

Даже прославленный космонавт Павел Попович не удержался от восторга:

«Замечательная вещь! Посидели, поговорили — и как будто побывал дома. Обязательно надо развивать, расширять такое замечательное средство связи».

Космонавт видел и слышал Киев.

Ну, конечно, речь идет о видеотелефоне. Когда опускаются сумерки, неоновая нить вычерчивает на здании столичного Центрального телеграфа силуэт телефонной трубки: здесь междугородный видеотелефонный пункт. Но на самом деле никакой телефонной трубки нет и в помине, ничто даже не напоминает о телефоне. А происходит вот что...

Вы входите в комнату, которая называется студией. Садитесь в мягкое кресло, располагаетесь по-домашнему. Впереди круглый стол, а за ним, чуть поодаль, два больших телевизионных экрана.

— Вам Ленинград или Киев? — спрашивает инженер Лев Грузинов. К сожалению, только с этими городами пока установлена видеотелефонная связь, хотя ее давно ждут Симферополь и Свердловск.

— Ленинград,— отвечает первый сегодняшний клиент А. С. Тульчинский.

Соблюдая тайну телефонных переговоров, я приведу лишь те, на которые получил разрешение абонентов. Впрочем, в некоторых случаях я опущу фамилии и надеюсь, что читатель догадается почему...

— Даю Ленинград!

Сразу вспыхивают оба экрана. На левом — москвич, на правом — ленинградец. Изображения четкие, яркие.

— Папка, как я рад! — несется из Ленинграда.

— Здравствуй, Толенька!

— Как ты попал в Москву? Я думал, это Гриша приехал из Братска...

— На конференцию общества «Знание» как представитель города Сумы. Уже пять дней в Москве. Побывал даже в Бородинской панораме. Обязательно посмотри, когда летом поедешь на каникулы.

— Приезжай ко мне, папа!..

— Я думал вырваться на денек, но вот узнал о видеотелефоне. Теперь вроде и побывал у тебя. Хочется, конечно, и к тебе съездить и к Грише в Братск. Посмотреть, как живет там комсомольский секретарь, молодой инженер. Он тебе пишет?

— Пишет... Переехал в новую квартиру. Даже деньги мне перевел. Расскажи, как вы дома живете? Как мама?

— Мама работает, я по-старому в техникуме. Скучаем без тебя и Гриши. Ну, а ты как? Не трудно в институте?

— Ничего, нормально... Встречаюсь с ребятами, с которыми ездил на целину. На днях собрались в кафе все сорок человек. А сегодня в Ленинграде «День физики». У нас в институте тоже. Будет КВН, ты знаешь, что это такое? Клуб веселых и находчивых...

— А ты кем же будешь?

— Я — болельщиком! Это самое интересное.

— Очень рад, сынок, что повидал тебя. Какая замечательная штука этот видеотелефон, отлично видно и слышно!

Потом в кресла за круглым столом уселись трое: Валентин Васильевич Тимошенко, его жена и мать. Они едва помещаются на экране. В Киеве их видят тоже трое. Это семья сына Эдуарда. Но места они занимают меньше: внучка Аленушка сидит на коленях у матери.

Сначала все говорят сразу, и ничего нельзя разобрать. Но вскоре становится ясно, что в центре внимания Аленушка:

ВИЖУ И СЛЫШУ

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото А. Гостева.

разговор ведется главным образом с ней. Узнав дедушку и бабушку, она машет им рукой.

— Иди сюда, Аленушка, иди к нам!

Она и в самом деле тянется вперед, словно нет никаких экранов и вовсе она не в Киеве.

— Приезжай к нам, Аленушка! Возьми папу и маму и приезжай на праздники. Хорошо?

— Приеду! — Она машет головкой.

— Какой подарок тебе купить?

— Розовую шубку с бантом...

— Розовую?!.— Киевская модница озадачила своих московских родичей.

Но шубка ей, видимо, будет. Может, только не розовая и без банта.

О следующем разговоре я не мог бы рассказать, даже получив разрешение. Я ничего не понял. Не потому, что юноша из Москвы и девушка из Ленинграда говорили на иностранном языке: они объяснялись мимикой, которой пользуются глухонемые.

Вначале оператор Феликс Гиршин подумал, что пропал звук. Заглянул в студию и увидел, что юноша и девушка разговаривают с помощью ручной азбуки. Глаза их сияли...

Потом юноша попросил книгу и записал в ней:

«Для нас, глухонемых, видеотелефон — единственное средство связи. Спасибо за него. Нельзя ли только снизить цену или сделать скидку для глухонемых?»

И подписался: «Студент».

В студию пришел еще один студент — выпускник Московской консерватории по имени Анатолий. Его вызвала мать-киевлянка.

— Почему не пишешь, Толя? — улыбнулась мать, увидев его.— Я так волнуюсь...

— Я пишу, мама, пишу.— Мне показалось, что голос сына звучал виновато.

— Как у вас с распределением? Приедешь ли ты в Киев?

— Возможно, меня оставят в аспирантуре, еще неизвестно.

— А желание в Киев есть? — Мать придвинулась к экрану, чтобы лучше увидеть его лицо.

— Конечно, есть!

— А все-таки пиши почаще!

— Ты понимаешь, мама... Я пишу, но тут у нас почтовый ящик, так из него редко вынимают почту. Один мой товарищ проверял... А я пишу, мама, пишу, ты не беспокойся, пожалуйста!

Она повеселела, улыбнулась:

— Будь здоров, сынок!

Напоследок я решил сам воспользоваться видеотелефоном. Интервью дала мне ленинградская телефонистка Эрна Генриховна Денко.

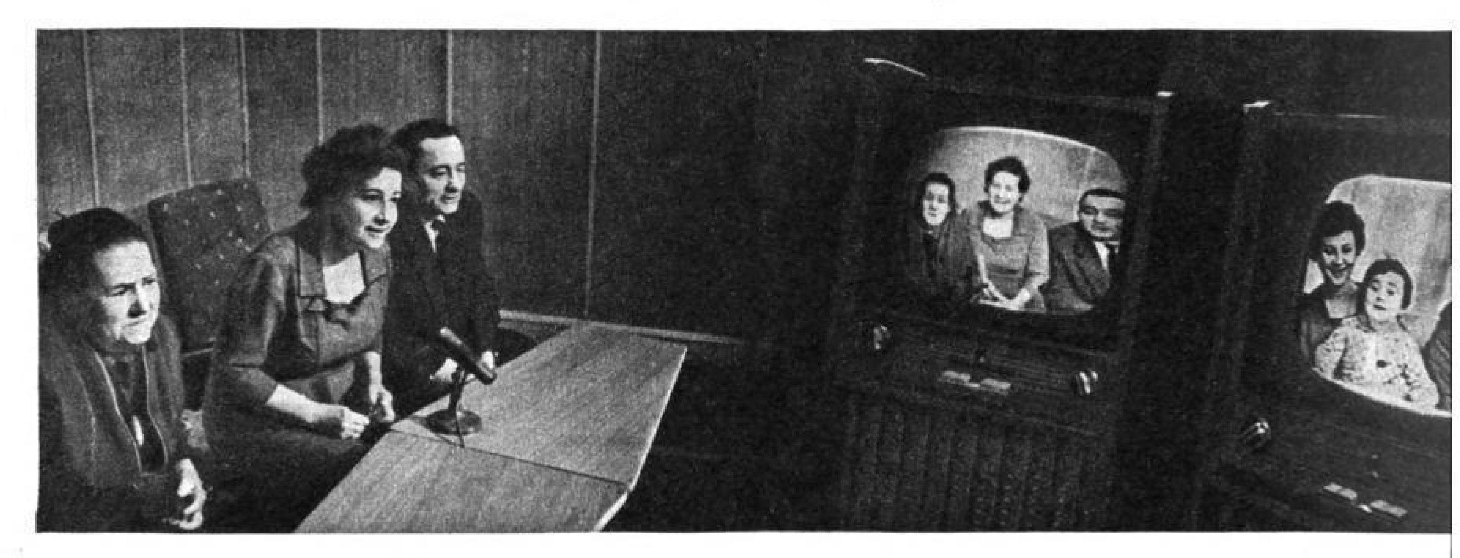
Вот она появилась на экране, и мы разговорились с ней с глазу на глаз.

— Я работаю на видеотелефоне со дня его открытия,— сказала Эрна Генриховна.— Много людей повидала, немало узнала об их жизни. Но больше всего мне запомнился случай, когда Киев вызвал для консультации известного ленинградского профессора-педиатра. Больную девочку привезли в Киеве на переговорный пункт. У нее была болезнь кожи, и мы старались, чтобы изображение было особенно четким. Профессор дал свое заключение. Через некоторое время я узнала, что ребенок выздоровел...

— Какие же еще случаи вспоминаются?

— Часто приезжают новобрачные прямо из Дворца бракосочетаний, чтобы показаться своим родственникам в Москве или Киеве в торжественном одеянии. Ну вот еще: однажды пришли мать с дочерью. Мать села в сторонке, словно и нет ее вовсе. А дочь разговаривала со своим знакомым. Видимо, представляла его матери... Приезжают нередко инженеры с чертежами. Показывают их своим московским или киевским коллегам, а то и с начальством советуются. Часто друзья встречаются после многолетней разлуки. И, как правило, уверяют друг друга, что не постарели вовсе и ни чуточки не изменились. Все довольны, все улыбаются.

Отличная вещь — интервью по видеотелефону, могу порекомендовать своим коллегам.

В центре внимания — Аленушка.

Покупок на миллион

Шелковые, шерстяные, вискозные, ситцевые, темные, яркие, гладкие, набивные... Больше 28 тысяч образцов материи выставлено в павильонах московского парка «Сокольники». Здесь проходит ярмарка текстильных товаров — самая большая за последние годы. В ней участвуют 338 фабрик и комбинатов, сюда приехали 2 тысячи покупателей с оптовых баз и швейных предприятий.

Покупатели — народ придирчивый, с пристрастием осматривают они яркие, нарядные стенды, выбирают, конечно, ткани модные и подешевле. Ведь если здесь покупают материал на пальто — так на сотни тысяч рублей, если на платье — на тысячи. Самым большим спросом пользуется шерсть с лавсаном, шелка «космос», «молодежный»...

На стенде московской фабрики имени Алексеева — там, где выставлены новые ткани драп «завиток» и «полянка»,— уже прикреплена табличка: «Продано».

Заключены договоры на поставку миллионов метров различных материалов. Но не все покупатели довольны.

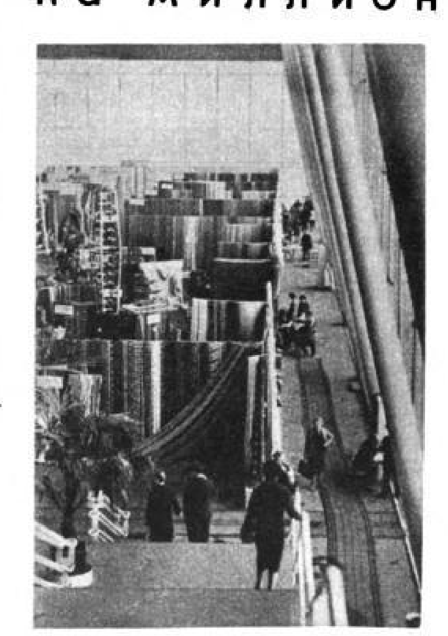
— Материалы красивые,— говорит калининский товаровед Галина Алексеевна Арсеньева,— но нам достается далеко не все, что мы видим. Вот, например, мы просим дешевые ткани на нарядные детские платья, а нам выделяют дорогие, зачастую некрасивые по цвету и структуре. Материалов из искусственного шелка на женские платья совсем не дают. Плохо и с тканями для детских пальто.

Может быть, поэтому посетители ярмарки с надеждой смотрят на стенды нетканых материалов: и материи там красивые и цены подходящие. Здесь демонстрируют свои изделия научно-исследовательские институты страны и некоторые фабрики — их еще немного,— которые уже освоили производство нетканых материалов.

Материал называется «тиввн» — тепло-изоляционно-ветроводонепроницаемый. Название длинное, но говорит само за себя. Его в продаже еще нет. Но он скоро появится, красивый по фактуре, темно-бирюзового цвета, на яркой клетчатой шерстяной подкладке. На одном из калининских предприятий уже выпускается черная ткань с красной и клетчатой шерстяной подкладкой, материал называется «ганекс».

Пока нетканых материалов еще очень мало. Но, верно, уже на следующей ярмарке их будут покупать больше всех других материалов — дешевые, практичные, красивые.

Т. ТРОИЦКАЯ

На ярмарке в парке «Сокольники».

Фото Р. ЛИХАЧ.

Разговор через океан

Петр ЧУМАК

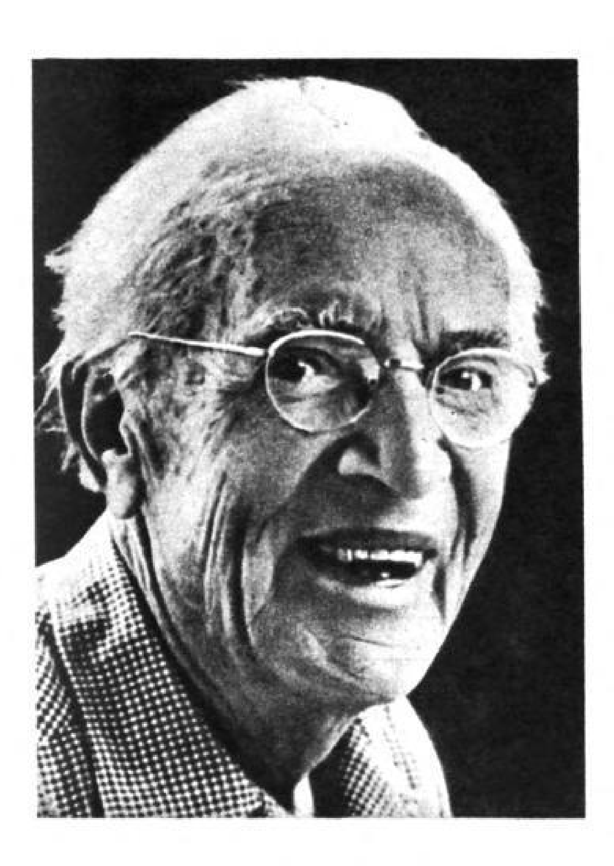
Американскому писателю Элтону Синклеру в сентябре 1963 года исполнилось восемьдесят пять лет. Огромный творческий путь, пройденный им, отмечен десятками художественных произведений, принесших автору мировое имя. Романы «Джунгли», «Король уголь», «Джимми Хиггинс», «Сто процентов», «Нефть» и другие широко известны в нашей стране. Книги Э. Синклера изданы у нас тиражом свыше четырех миллионов экземпляров на пятнадцати языках.

В 1918—1919 годах Синклер протестовал против вооруженной интервенции США в Советской России. Он тогда помог американскому прогрессивному журналисту Альберту Рису Вильямсу распространить среди рабочих США два миллиона экземпляров злободневной брошюры Вильямса «Большевики и Советы — 76 вопросов и ответов».

Своими правдивыми книгами Синклер помогает лучше узнать ту Америку, которая талантливо и усердно трудится, а заодно и увидеть тех заправил США, которые жаждут новой мировой войны.

Не случайно антивоенные позиции Элтона Синклера в свое время отметил Владимир Ильич Ленин, одобрив его стремление бороться против империалистической войны. В личной библиотеке Ленина имеются книги американского писателя, подаренные Э. Синклером Н. К. Крупской. На страницах одной из книг сохранились ленинские пометки карандашом.

И на восемьдесят шестом году своей жизни Синклер остается Синклером: недавно он подтвердил это, поставив подпись под призывом

Эптон Синклер.

Письма Джека Лондона и Джона Рида

Джек Лондон — Эптону Синклеру

Глен Эллин,
Калифорния.
1 февраля 1910 года

Дорогой Синклер,

только что возвратился в свое ранчо и сегодня же отсылаю вам начальные главы вашей рукописи «Испытания любви»[1]. Книга, безусловно, наделает много шума, и я не знаю даже, с чего начать, чтобы сообщить Вам, насколько мне хочется прочесть остальную часть. Вы просто взвинтили меня желанием узнать, что произойдет с мальчиком. Хочу также сказать Вам, что Ваша книга, включая и вырезанную цензурой главу из «Манассы»[2], будет самым сочным, кровоточащим куском мяса, какой был брошен какому-либо американскому издателю за последние пятьдесят лет. Я только опасаюсь, что Вы не найдете издателя, у которого хватит смелости выпустить в свет книгу.

Желаю Вам всяческого счастья, какое есть в мире.

Искренне Ваш

Джек Лондон.

Ради бога, пришлите мне остальную часть рукописи, как только ее закончите.

Джон Рид — Эптону Синклеру

Гарвардский клуб, Нью-Йорк.
6 ноября 1918 года

Дорогой Эптон,

получил Ваше письмо от 22 октября. Я совсем не предполагал, что Вы опубликуете мое письмо; если бы думал об этом, то, вероятно, написал бы его более тщательно. Что ж, пусть; не думаю, что любое мое суждение настолько уж важно, чтобы остерегаться его оглашения в печати.

Ваша статья о России мне кажется совершенно реакционной и неправильной.

Вы швыряетесь в меня Петром Кропоткиным[3]. (Вначале, читая Ваше описание, я подумал, что речь идет о Ленине!) Нет ничего особенно сложного в этой загадке — Петре Кропоткине... Он отверг русскую революцию, считая, что она может помешать разгрому Германии. К тому же — и это еще более важно — Кропоткин — старый человек, а все старые лидеры разочаровались в революции. Когда Вы приветствовали революцию из Калифорнии, они в Петрограде оплакивали ее — «бабушка»[4], Чайковский[5], Кропоткин. Если Кропоткин находится в тюрьме, то лишь потому, что его вполне основательно подозревают в заговоре с англичанами против Советов. Если бы удалось Вам лично увидеть этого старика,— особенно его окружение, и его дочь — всю эту атмосферу, характерную для верхушки английской средней буржуазии, в которой он живет, тогда Вы смогли бы понять, почему он так относится к революции.

Главное, в чем, по-видимому, Вы не отдаете себе отчета, Эптон,—это то, что все предлагаемые Вами паллиативы уже были испробованы. Первые восемь месяцев русской революции были своего рода лабораторным показом всех язв и банкротства капитализма. «Умеренное» правительство Керенского было неспособно «сломить сопротивление буржуазии»; в самом правительстве буржуазия отказалась согласиться даже на самые умеренные и самые неотложные реформы; русская буржуазия действовала так, как будто она сошла со страниц «Призыва к разуму» (старого издания)[6]. Она вела себя, как злодей в мелодраме; без колебаний она подвергла локауту рабочих на заводах, умышленно вызывала поражения на фронте, посылала делегации, в задачу которых входила подрывная работа. Все это делалось для того, чтобы уничтожить демократические организации, рожденные революцией. Уже к концу первых трех месяцев русская буржуазия пришла к мысли, что на русской почве необходимо насадить капитализм в его самом махровом виде. Для этого она не поколебалась призвать немцев, куда только возможно,— в Финляндию и на Украину, натравить казаков на крестьян и толкнуть Корнилова к походу на Петроград. Таковы факты, к которым ведет логика Кропоткина, и ему остается только проявлять терпимость ко всему этому.

Большевистская диктатура пролетариата порождена этими условиями, она вызвана ими; вообще социализм рождается из капитализма, с неизбежностью вызывается им. Какая разница, подверглась ли нападению «революционная нация со стороны беспощадной милитаристской нации, как Германия», или же со стороны шайки разбойников русского происхождения? Сейчас дело не столько во внешних войнах, каков бы ни был их повод, сколько именно в этой внутренней войне.

Вы хотели бы, чтобы крестьянам в России немедленно отдали землю. Это пробовали сделать умеренные социалисты, но правящие классы не позволили им. Вы хотели бы, чтобы русское социалистическое правительство подождало, покуда под его влиянием не начался бы рост социализма во всей Европе, вело бы себя осторожно, прибегало бы для укрепления своей власти к заигрыванию и к политике компромисса с буржуазно-либеральными правительствами Европы. Мой дорогой Эптон, в пору расцвета власти Керенского русское правительство так и пыталось действовать; а правительства Англии и Франции изо всех сил старались свергнуть это русское правительство; они поддерживали украинских сепаратистов, финскую буржуазию и сулили Корнилову помощь своими войсками для похода на Петроград. Русские не могли ждать. Если бы большевики не взяли власть, все равно правительство Керенского пало бы, что и произошло; Россия стала бы бесспорной добычей как Германии, так и союзников. Россия не могла, не смела больше ждать.

Вы считаете, что следовало бы поступить так или поступить этак. Вы просто теоретик, Эптон; русские же — люди дела. Для России это вопрос жизни, строительства жизни по заветам Карла Маркса. Посмотрите на вашу сегодняшнюю Европу, а уж потом говорите мне опять, что русская советская революция оказалась «помехой». Настало время, чтобы социалистическое движение очистилось от Шейдеманов[7],— более того, от Каутских[8],— от всех этих людей, которые сознательно или несознательно верят в то, что только парламентаризм надежен, что социалистические лидеры могут быть респектабельными и даже великодушными. Большевизм не для интеллигентиков, он для народа. В Европе перед нами было зрелище, когда все социал-демократические партии объединились с умеренными правыми для того, чтобы предотвратить пролетарскую революцию. Все равно дело идет к пролетарской

отменить действующие в Соединенных Штатах антидемократические законы, включая закон Смита и закон Маккарэна.

В прошлом году в связи с днем рождения Эптона Синклера я послал ему в Монровию, штат Калифорния, поздравительное письмо, в котором, между прочим, просил разъяснить его некоторые публичные выступления сороковых — начала пятидесятых годов.

Вскоре пришел ответ. В нем говорилось:

«Вы ошибаетесь, говоря о моем отношении к СССР. Я был против жестокостей Сталина. Так же поступило и ваше правительство впоследствии. Я с надеждой всматриваюсь в прогресс вашей страны в настоящее время. С искренним приветом Эптон Синклер».

Так, несомненно, мог ответить только друг. В следующем письме он высказался более подробно.

«Я не знаю,— писал он,— кто сказал вам, что я нападал на вашу страну-труженицу. Я порицал в некоторых случаях позицию вашей страны, когда считал ее неправильной, и точно так же поступал и в отношении своей страны. Я желаю вашей стране прогресса, процветания и мира, чего желаю и своей стране. У меня есть свои политические взгляды и умозаключения, тем не менее, конечно, всегда найдется достаточно простора для обмена мнениями. С искренним приветом Эптон Синклер».

С фотографии на меня глядел жизнерадостный, смеющийся Синклер. К письму он приложил список своих сокровищ: перечень писем, полученных им от таких широко известных лиц, как Альберт Эйнштейн, Бернард Шоу, Герберт Уэллс, Джек Лондон, Евгений Дебс, Теодор Драйзер, Линкольн Стеффенс, Анри Барбюс, Джон Рид, Конан-Дойль, Бертран Рассел, Ромен Роллан, Мохандас Ганди, Томас Манн... Какое собрание исторических документов! Хотелось хотя бы одним глазом взглянуть на них. Но тут мрачной тенью надвинулась на Америку весть о чудовищном убийстве президента Кеннеди. Национальное горе США было разделено и нашим народом. В те дни Эптон Синклер писал, что он с большой убежденностью разделяет стремления народов СССР и США жить в мире и дружбе. Я спрашивал его тогда, не намеревается ли он приехать в нашу страну, и в заключение попросил прислать нам письма Джека Лондона и Джона Рида. Ответ прибыл очень скоро. Эптон Синклер писал:

«Благодарю вас сердечно, но в возрасте 85 лет я немножко робею при мысли о дальних путешествиях. Я думаю, что если ваша национальная библиотека обратится к нашей библиотеке, то, согласно существующей договоренности, они смогут произвести обмен в копиях многих материалов моей коллекции. Мои письма были у Горького, а также у Кропоткина в Англии. Посылаю вам большой обзор моей коллекции в Лилли. Братски приветствую».

А вслед за этим мы получили фотокопии писем Джека Лондона и Джона Рида. Одно из них очень краткое, другое — сложное, вдвойне интересное: в нем отразились острые моменты революционных событий в России, зафиксированные автором «Десяти дней, которые потрясли мир».

Письма публикуются впервые.

революции, Эптон! Интеллигенты (так называемые) здесь не к месту; пусть же отправляются назад к тому классу, который воспитал их и к которому в конечном счете тянутся их сердца.

Быть может, сказанное мною бессвязно. Я пишу просто, так, как думаю. Вы так и читайте. Главная мысль, которую я хочу подчеркнуть, заключается в следующем: либеральная Европа воюет против Германии под флагом избавления от «милитаризма»; но она воюет против Германии с таким ожесточением и для того, чтобы уничтожить большевизм (и уже имеются явные признаки этого [9]). И самыми передовыми именно в этой борьбе являются социал-патриоты Европы и Америки.

Вы правы, когда говорите, что главным пунктом Ваших разногласий не только с Вашими друзьями, но и со всеми настоящими социалистами является Ваше утверждение, что западный капитализм выше германского капитализма. «Зверь с мозгами инженера» — так Вы называете эту свою самую сильную антипатию; я не понимаю, почему Вы не идете дальше и не называете другие государства «зверями с мозгами иезуитов». Все они звери; качество их мозгов не существенно. Вы говорите о «феодальном» так, как будто действительно считаете, что германские правители вдохновляются феодальной идеологией. С таким же успехом Вы могли бы сказать, что наши собственные правители вдохновлены джефферсоновской идеологией [10]. Это просто смешно! Берлинско-Багдадская дорога, драка вокруг «Средней Европы», эксплуатация Сибири, «место под солнцем», большевизм, французский заем, «свобода морей»... Вся эта идеология рассчитана на невежественные массы, так же как и религия. Германское правительство не более безответственно, чем наше собственное правительство или английское.

Вы говорите, что в странах западной демократии народ, когда захочет, может сменить правительство. Вы не видите и не хотите видеть, что правящие классы повсюду — связывает ли их конституция или нет — не позволят смены правительства, если этим затрагивается их право собственности, они будут сопротивляться такой смене власти силой оружия. Если Вы думаете, что то, что случилось в нашей стране с Индустриальными рабочими мира [11] и с Социалистической партией, произошло потому, что они были против войны, то Вас просто одурачили... Даже в России, в разгар Февральской революции, при всеобщей свободе слова, собраний и выборов демократические элементы населения не могли добиться хотя бы одной из нужных им мелких реформ, не прибегая к свержению правительства силой. Пять раз они пытались, пока наконец им надоел этот бесконечно малый прогресс, и они пошли по единственному оставшемуся пути.

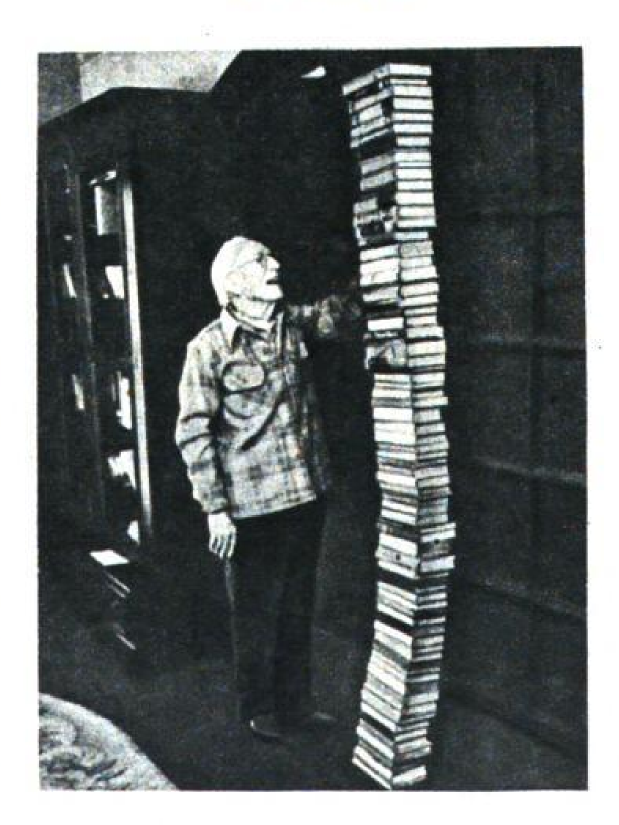
Вы изображаете нас в виде группы музыкантов, которые собрались, чтобы сыграть симфонический концерт в лесу, где обитает тигр-людоед. Единственный тигр-людоед — Германия! Сначала, полагаете Вы, надо застрелить этого тигра, а потом уж Вы сможете насладиться концертом...

Это похоже на древнюю притчу о горящем доме и о том, что раньше всего надо потушить огонь. Но дом-то не принадлежит нам. Если мы погасим пожар, нас снова бросят в подвал да еще закуют по рукам и ногам. Нет уж, господа! Если Вы хотите, чтобы я тушил пожар в Вашем доме, уйдите из него; я стану тушить огонь только тогда, когда дом будет моим. Иначе пусть лучше дом сгорит дотла; тогда я, будучи рабочим, смогу построить дом, а вы, будучи собственником, либо должны будете работать вместе со мной, либо Вам придется спать на голой земле.

Для Вас, Эптон, только один тигр в лесу. Для меня — целая стая тигров: тигр, который ест меня, и тигры, пожирающие других людей. Эти тигры сражаются между собой, но какая бы сторона ни взяла верх, меня все равно сожрут. При таких обстоятельствах это даже бессердечно воображать, чтобы кто-нибудь из нас когда-либо занимался исполнением симфонических концертов. Я немало бродил по свету, как и Вы, был в Колорадо, Бейонне, Лоренсе, побывал и на полях сражений в Европе. И я все еще надеюсь увидеть, как рабочий класс всего мира действительно будет исполнять симфонические концерты над трупами всех этих тигров.

Искренне преданный вам
Джон Рид.

Эти книги написаны одним человеком — Эптоном Синклером.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 **«ИСПЫТАНИЯ ЛЮБВИ»** — роман, на русском языке впервые был издан в 1923 году в серии «Всемирная литература» в Петрограде. Переиздавался неоднократно.

2 **«МАНАССА»** — роман об американской гражданской войне между Севером и Югом в 1861—1865 годах. Впервые на русском языке была опубликована в 1925 году в Ленинграде.

3 **КРОПОТКИН П. А.** (1842—1921) — один из главных деятелей и теоретиков анархизма. В годы первой мировой войны — шовинист. Вернувшись из эмиграции в 1917 году, оставался на буржуазных позициях, однако в 1920 году обратился к европейским рабочим с письмом, в котором признал историческое значение Октябрьской социалистической революции и призвал рабочих воспрепятствовать военной интервенции против Советской России. Буржуазные газеты распространяли ложные слухи об аресте Кропоткина в Советской России.

4 **БРЕШКО-БРЕШКОВСКАЯ Е. К.** (1844—1934) принадлежала к правому крылу партии эсеров, была в числе ее организаторов и руководителей. Энергично поддерживала Временное правительство. Сторонница продолжения империалистической войны «до победного конца». После Октябрьской революции активно боролась против Советской власти.

5 **ЧАЙКОВСКИЙ Н. В.** (1850—1926) — народник, впоследствии эсер, «народный социалист». В годы первой мировой войны — социал-шовинист. После Октябрьской революции — организатор антисоветских мятежей; содействовал вооруженной интервенции против Советской России.

6 **«ПРИЗЫВ К РАЗУМУ»** — социалистический еженедельник, выходил в США в начале XX века; в 1919 году был переименован.

7 **ШЕЙДЕМАН, ФИЛИПП** (1865—1939) — лидер крайне правого, оппортунистического крыла германской социал-демократии; в годы первой мировой войны — ярый социал-шовинист.

8 **КАУТСКИЙ, КАРЛ** (1854—1938) — один из лидеров германской социал-демократии и II Интернационала, ренегат марксизма. После Октябрьской революции открыто выступал против Советской власти.

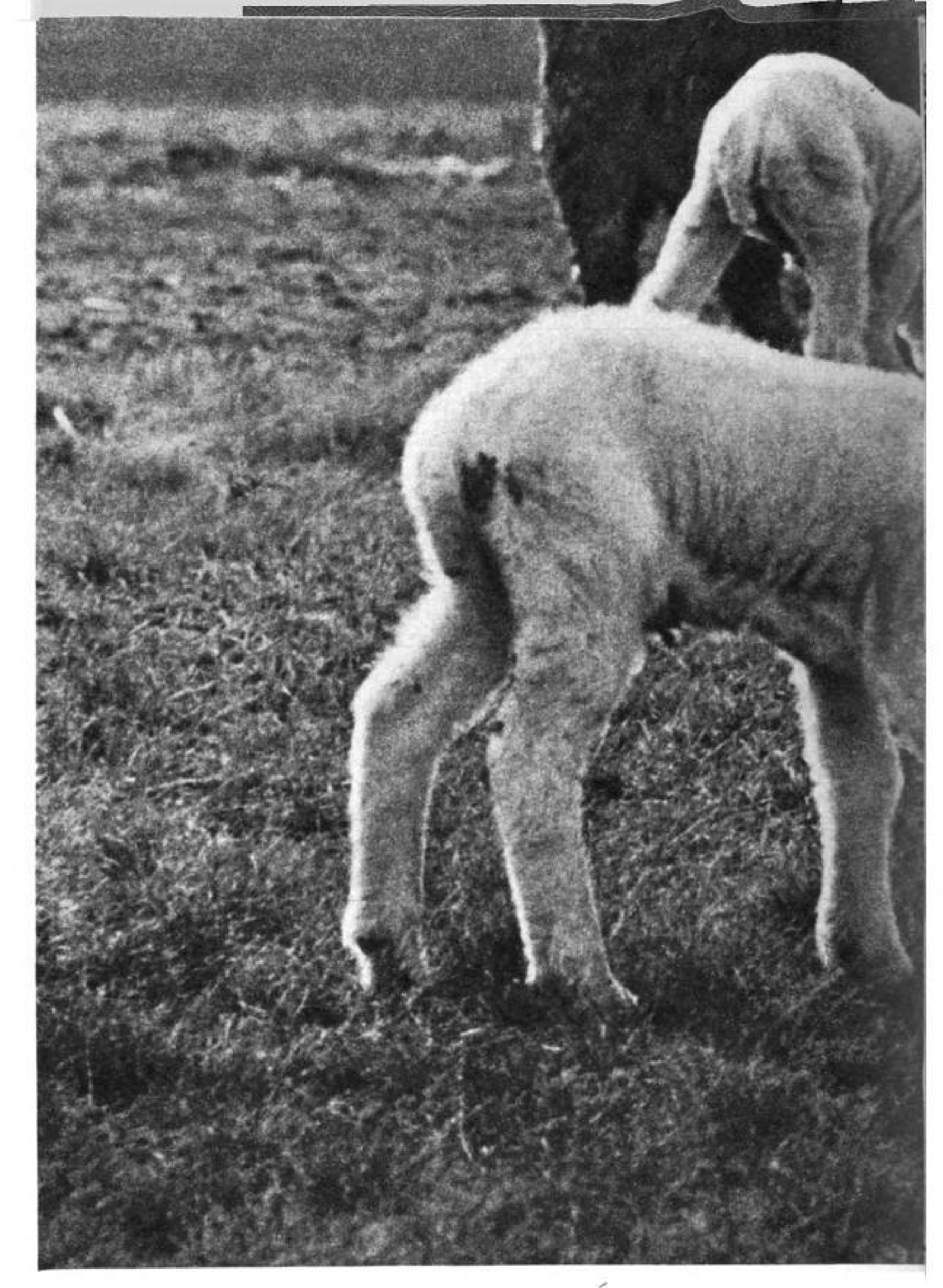
9 Речь идет о сговоре между англо-американо-французским империализмом и германской военщиной для совместного подавления разраставшегося в Германии революционного движения.

10 **ДЖЕФФЕРСОН, ТОМАС** (1743—1826) — президент США в 1801—1809 годах, основатель республиканской партии.

11 **ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ РАБОЧИЕ МИРА** — профсоюзная организация США начала XX века.

Георгий Львович Рындин.

Кажется, будто здесь и родилась широкая русская песня. В какую сторону ни посмотри — безбрежные степные просторы. Это владения Зимовниковского конного завода № 163.

О нем шла речь на февральском Пленуме ЦК КПСС. «В качестве примера,— говорил Никита Сергеевич Хрущев,— хочу сослаться на опыт конного завода № 163, расположенного в степной засушливой части Ростовской области. Мне приятно вспомнить это хозяйство. В свое время мы подвергали резкой критике конные заводы за то, что они плохо использовали землю. Многие из этих заводов теперь стали высокопродуктивными хозяйствами...»

Обычно, когда говорят о целине, представляют себе обширные земли Сибири и Казахстана. То большая целина. А мне хочется рассказать о малой целине, о тех, кто поднял новые пласты земли там, где, казалось, их уже не поднять.

Конные заводы! Десятилетиями гуляли земли на Сальщине. На степном разнотравье паслись табуны знаменитых дончаков. Здесь когда-то зародилась Первая Конная Буденного.

И сейчас стремительных лошадей Зимовниковского конного завода охотно покупают Англия, Швеция, другие страны. Коневодство — по-прежнему доходная статья. Но теперь уже гордость завода и в другом. За десять лет освоено около двадцати трех тысяч гектаров целинных земель. Значительно расширилось зерновое хозяйство. Коннозаводцы образцово организовали интенсивный откорм крупного рогатого скота мясной породы. Государство получает отсюда высококалорийное мясо превосходных вкусовых качеств.

* * *

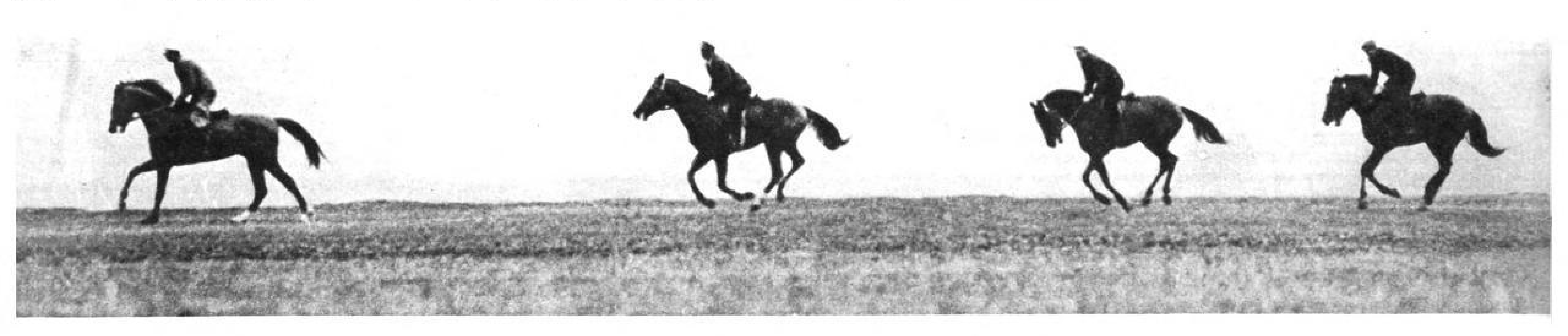
Прямо с февральского Пленума директор конного завода Георгий Львович Рындин отправился на поля. Не терпелось увидеть: как там под снегом озимая? Ведь в этом году ее посеяли на шестнадцати тысячах гектаров.

Остановился, присел директор, разгреб рукой снег: вот она, озимая, стебли крепкие, хорошо перезимовали, поднимется, нальется силой.

На следующий день Рындин собрал актив конзавода — рассказать о том, что было на Пленуме. Пришли агрономы, механизаторы, гуртоправы, скотники, доярки...

Конный завод дает стране не только хлеб и племенных коней. У него тридцать четыре тысячи овец — в три раза больше, чем было десять лет назад.

Овцы — самая ценная порода, тонкорунные, мериносы. Шерсть густая, тонкая, длинная. Знаменитое золотое руно. С каждой овцы настригают семь килограммов.

ВЕТЕР СТЕПИ

М. АНДРИАСОВ

Фото Г. КОПОСОВА.

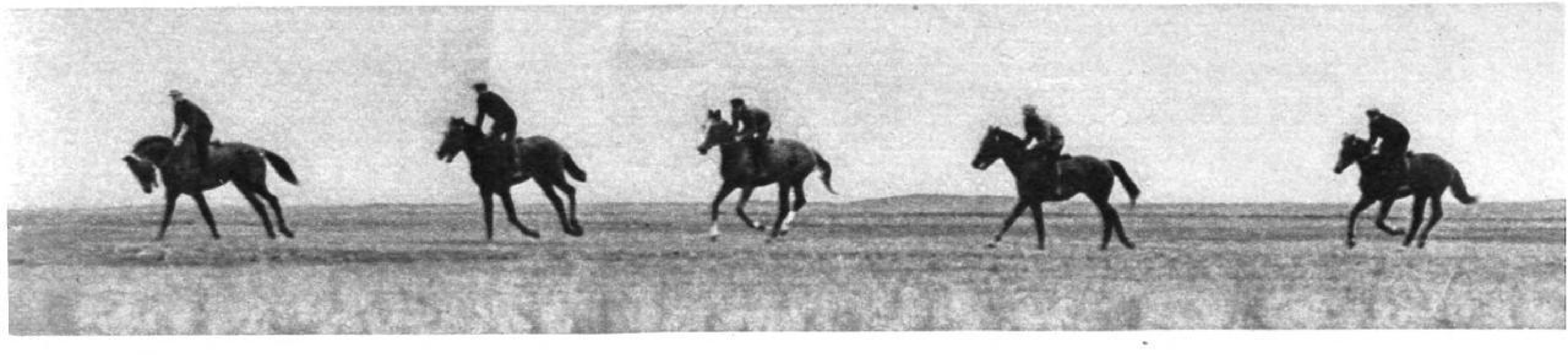

Иван Тихонович Бондаревский.

На всю нашу страну прославился конзавод бычками. Здесь откармливают бычков калмыцкой породы. Это редкие животные. Полуторагодовалый бычок весит в среднем пятьсот тридцать килограммов. Убойный выход мяса и сала рекордный — пятьдесят восемь процентов — на семь процентов выше установленного стандарта. Суточный привес — шестьсот граммов.

Удивительные бычки растут в Сальской степи на беспривязном содержании в самых простых и немудреных затишках, сделанных из плетня, бурьяна и соломы. И зимой и летом скот под открытым небом.

А выращивает бычков старший скотник, герой здешних мест, человек, имя которого сейчас широко известно на Дону,— Иван Тихо-

нович Бондаревский. Четверть века трудится он на конзаводе. За рост богатырский, за сильные руки, за доброе сердце люди давно называют Ивана Тихоновича Ильей Муромцем. Бондаревскому пятьдесят второй. Закаленный под ледяными и знойными ветрами, он трудится молодо — проворно, легко.

Когда у него спрашивают о секрете успехов, он добродушно улыбается:

— Люблю нашу землю...

Об отзывчивой душе его много рассказывают.

Случилось это в нынешний январь. В Сальской степи разгулялась сильная вьюга. Буран заполонил неоглядные просторы, все перевернул в степи. В такую непогодь далеко ли до беды? От гурта отбились сорок три бычка. Скотники вышли на поиски. Сорока двух нашли, сорок третьего не было.

Зоотехники, гуртоправы с ног сбились — нет бычка.

Бондаревский вооружился фонарем. Вместе с другом-трактористом колесил на машине по степи. Исходил все балки, все овраги. Яростный ветер сбивал с ног. Падал, снова поднимался. Снег слепил глаза.

— Погиб,— уже усомнился тракторист.

— Нет, не погиб! Мои ребятки и в буран не растеряются!

Три метельных дня, три метельных ночи прошло в поисках. На заводе уже и поругивать стали Ивана Тихоновича. Надо ли так рисковать из-за бычка?..

На четвертый день Бондаревский нашел подопечного. В одной из балок. Бычок-бычок, а из хитрых. Примостился в затишке. Разрыл в снегу окопчик, натоптал своеобразный ход сообщения и прогуливался в своем блиндажике взад-вперед...

Специалисты потом объясняли:

— Почему не замерз бычок Бондаревского? Шерсть у него длинная. Покров толстый. Прослойка мяса потолще, чем у обычного. Теплый подшерсток. Вот и устоял он, сильный калмыцкий бычок, против разъяренного ветра, против снежных вихрей и сугробов.

Иван Тихонович трехлетний откорм бычков сократил вдвое. Каждый бычок Бондаревского дает семьдесят рублей чистой прибыли. Недаром к зимовниковскому Илье Муромцу то и дело приходят посоветоваться соседние гуртоправы.

На большую дорогу вышли конзаводы. Они обновили засушливые земли, подняли сальскую целину.

«Раньше здесь только суслики бегали,— сказал об этой земле Никита Сергеевич,— а теперь, видите, она хорошо кормит людей!»

Земля всегда хорошо кормит людей, когда она в сильных и надежных руках.

Нина ХРАБРОВА

История ста двадцати орхидей

Когда солнечные лучи разбежались по всему стеклянному дому, Вирве Роост пошла по узкому зеленому коридору, останавливаясь у орхидей.

Орхидеи то клубнями, то крохотными ростками пересылали по почте сюда из Австралии, и никто тогда не мог сказать, приживутся ли они здесь, зацветут ли. Ведь это особенно хрупкие и нежные сорта, порождение юга, а здесь всего только тонкое стекло отделяет их от хмурых туч и обложных дождей, от норд-остов и морозов...

А они прижились и зацвели, только лепестки были бледнее, чем в тропиках. И цвет, и диаметр цветка, и количество стеблей, и количество бутонов на каждом растении — все записывает Вирве в свою тетрадь. Она делает это потому, что работает старшим садовником Таллинского ботанического сада Эстонской Академии наук и тропические растения — тема ее научной работы. И еще потому, что у этих орхидей необычная судьба, связанная с судьбой человеческой.

История распространения орхидей на нашей планете вообще несколько необычна. Всего на Земле около 20 тысяч видов орхидей. В Эстонии, например, они тоже растут в естественных условиях, и их здесь не так уж мало — около 30 видов. Но наши полевые и болотные орхидеи непритязательны и малозаметны.

Около двухсот лет назад европейские путешественники в тропиках увидели удивительные растения. Они росли высоко, свесив воздушные корни, их яркие цветы издавали тонкий запах. Они искали опоры на деревьях, питались пылинками и сухими листьями, прилипавшими к их корням, и довольствовались каплями дождя, стекавшими с чужих ветвей. Они были красивы и труднодоступны. И, может быть, именно их недоступность вызвала «орхидееву болезнь», которая охватила в позапрошлом и прошлом веке богачей. Специальные фирмы нанимали «охотников за орхидеями» и снаряжали их в тропики. Неудачники погибали от малярии, от укусов змей, от ядовитых стрел туземцев. Удачливые возвращались в Лондон, Берлин, Париж, Нью-Йорк и за огромные деньги продавали в оранжереи богачей клубеньки тропических цветов.

...Оскар Савик родился в Эстонии в конце прошлого века. Трудно было представить их рядом — нежные цветы фешенебельных гостиных и сына эстонского батрака. Но судьба все же свела их.

В восемь лет Оскар стал маляром. Учиться ему почти не пришлось, так, в промежутках, когда не было работы. В восемнадцать лет ходил матросом на корабле в Германию, после революции какое-то время жил на Кавказе и в Крыму. Потом убежал от Врангеля — через Турцию и Германию — в Эстонию.

Еще один цветок... Оскар Савик и Вирве Роост.

Так цветет орхидея «Катлея». Фото В. Сальмре.

«Самостоятельная» Эстония встретила его безработицей. А он уже был семейным человеком, приходилось как-то налаживать жизнь. И они с женой уехали в Ниццу. Ницца в двадцатых годах была наводнена русскими эмигрантами. Блистательные офицеры из гвардии его императорского величества были счастливы служить официантами в ресторанах... Линде, жене Оскара, удалось устроиться на работу поваром. Оскару иногда тоже везло: его звали красить заборы и дачи. Но это случалось редко: деревянные заборы и дачи выходили из моды. Они решили снова уехать в Эстонию, и до 1927 года Савик работал маляром в Таллине.

Потом в Эстонии опять началась безработица, и многие эстонцы эмигрировали в Бразилию, в Австралию. Оскар Савик получил письмо из Австралии от приятеля. Он писал, что там хороший климат — всегда тепло. Позднее, когда было очень трудно, когда они жили в лесу, в окрестностях Сиднея, и работу не удавалось найти, приятель признался: позвал Оскара потому, что думал— вдвоем будет легче.

Потом Савик стал маляром в Сиднее — один рабочий день в неделю. Жена шила. Попробовали было снять комнату в городе, но оказалось слишком дорого, опять переселились в лес, в палатку. Оскар работал на строительстве дорог. Рубил сахарный тростник. Когда сезонные работы кончились, охотился в австралийском лесу...

Как-то в горькую минуту вдруг вспомнил белого генерала—сапожника в Ницце — и попробовал чинить обувь. Получилось. Снял не то домишко, не то сарайчик о двух окнах. Так работал восемь лет, не разгибая спины, и счастье начало улыбаться ему скупой улыбкой. Теперь всегда была еда, и даже удалось скопить денег. Этой суммы и выручки от продажи сапожной мастерской хватило на покупку трех акров пустыря в пригороде Сиднея. Оскар расчистил землю, развел огород, натаскал камней на фундамент, потом взял деньги в кредит и стал строить дом. На огороде развел гладиолусы и далии: он всегда любил цветы. Но цветоводов в Сиднее много, и Савик понял, что долго ему не продержаться, надо придумывать что-то еще. Купил за небольшую цену запущенную ферму с яблоневым садом. Однако на сад напала болезнь. Тогда Оскар привел в порядок дом и продал его: ему показалось выгодным купить гостиницу для туристов в портовом городке на реке. Гостиница была старой, запущенной, он своими руками отремонтировал ее. Но туристов было мало, и из этого тоже ничего не вышло. К счастью, гостиницу удалось продать, и он снова купил землю — на этот раз в самом Сиднее. И вновь начал тесать камни для фундамента, строить дом и теплицу. Решил разводить орхидеи: он знал людей, которые разбогатели от их продажи. Купил пятьсот горшочков с молодыми растениями. А когда они подросли и зацвели, выяснилось, что ему втридорога продали самые обыкновенные сорта, которые никто не хотел покупать. Савик снова приобрел рассаду, на этот раз более удачно. Но время и средства были потеряны, и первые десять лет орхидеи не принесли ему дохода.

Наконец они зацвели, и Савик стал продавать агентам срезанные цветы и молодые растения. Он скоро стал известен среди агентов тем, что никого не обманывал, а им на их скользком пути попадалось немало жуликов. Агенты покупали у него цветы и самолетами отправляли их в Америку. Не потому, что там не было своих орхидей, но австралийские орхидеи цветут в другое время, чем американские, и потому особенно ценятся за океаном.

Савик столько работал в жизни и столько его труда пропало даром, что он был просто счастлив, ухаживая за красивыми цветами, которые к тому же приносили немалый доход. У него скопились свободные деньги, и он стал мечтать о туристской поездке в Эстонию... Он многое знал о жизни на родине. До войны Савик частенько хаживал в эмигрантское «Эстонское общество». Потом туда стало невозможно ходить: война выбросила в Австралию эстонских фашистов. С первых дней их появления стало ясно, что даже дышать одним воздухом с ними нельзя, и Савик перестал посещать это «общество». Он выписал много советских журналов и газет, в их числе и «Огонек». Подшивки «Огонька» за пятнадцать лет скопились у него в доме, и он не в силах выбросить ни одного номера: «так отрадно перечитывать эти страницы»...

Однажды он прочел в «Огоньке» заметку о том, что орхидеи растут в некоторых ботанических садах Советского Союза. С этой заметки и началась переписка Оскара Савика с Вирве Роост. А затем в Таллин, в ботанический сад, стали приходить посылки с клубнями орхидей.

Возможно, Оскар Савик в Австралии разбогател бы на орхидеях. Но некий Джордж Паблос, миллионер из Америки, решил умножить свое со-

Д. **Беляев** (Ленинград). НА ОКЕ.

М. **Хвития** (Тбилиси). КАРТАЛИНСКИЕ ТОПОЛЯ.

Н. Касумов (Баку). НЕФТЯНЫЕ КАМНИ.

И. Шевандронова (Москва). ЛОДКА НА ОЗЕРЕ.

стояние. Он приехал в Сидней и со свойственным американскому капиталу размахом начал скупать сады и теплицы и подмял всех мелких цветоводов, вроде Оскара Савика.

Савик продал свое садоводство. Самые лучшие растения он оставил себе. Купил билет для поездки в Эстонию, взял с собой эти орхидеи и передал их в подарок Академии наук. Оскар Савик раскрыл Вирве Роост все секреты ухода за ними.

Теперь в Таллине, в ботаническом саду, растет 120 орхидей. Это, конечно, не самая большая коллекция, но в ней есть редчайшие виды, и в этом смысле она единственная на весь Советский Союз.

Оскар Савик почти год прожил в гостях у своих родственников в Таллине. За это время ему сделали операцию и вылечили застарелую болезнь почек. Поездил по стране, посмотрел на нашу жизнь. Побывал в ботанических садах Москвы, Ленинграда и Батуми. В Таллине часто приходил в оранжерею к Вирве Роост. И однажды сказал ей:

— Знаете, бизнесмен-цветовод из вас, как и из меня, наверное, не получился бы: вы слишком добрый и мягкий человек. Но я совершенно уверен — из вас получится хороший ученый-ботаник, и поверьте мне, для меня было бы счастьем работать с вами вот тут, в оранжерее. Самым простым рабочим.

Вирве рассмеялась. А Оскар Савик пояснил:

— Я так много испытал в жизни, что можете мне верить: ни одна власть не относится к человеку с такой добротой, как ваша, советская. Я это заметил, когда лечился в больнице, когда отдыхал в санатории после болезни, когда ездил в Сочи. Я увидел, что вовсе не являюсь исключением и что у вас обыкновенные люди лечатся именно так. А за границей это доступно только миллионерам. Ваше государство очень многое делает для того, чтобы было хорошо простому человеку. Жаль только, что люди быстро перестают это ценить и начинают считать повседневным. А может быть, так и надо? Ведь ценить хорошее научишься только тогда, когда переживешь много плохого. А зачем человеку такой горький опыт?

На днях Оскар Савик уехал назад, в Сидней: ведь у него там жена и дом. У жены больные ноги, и переезд в сырой, холодный климат Эстонии был бы для нее нелегким.

— Но, может быть, она и согласится,— раздумывал он перед отъездом.

И еще он сказал Вирве:

— Я понимаю, мои орхидеи слишком маленький вклад в ваше дело. Но у меня есть мечта: если уж они прижились и стали цвести тут, среди мороза и ветра, пусть они заполнят теплицы Таллина и Тарту, Москвы и Ленинграда, Батуми и Киева, чтобы когда-нибудь к празднику их мог купить каждый советский человек. И до тех пор, пока я смогу, я буду посылать вам орхидеи.

Владимир КОТОВ

Рисунки Г. Ушакова.

Лучевые просеки

ЛЕТНИМ УТРОМ

Опять цветет округа сказкой,
июльской лаской —
звень и гуд.
Опять над кашкой и ромашкой
стрекозы
синий зной стригут.
И на березовых колоннах,
укрытый от ребячьих глаз,
в зелено-золотистых кронах
грохочет
птичий
перепляс!
Ряды
ребят,
ряды
ребят.
Над ними
бабочки рябят...
И в яси необыкновенной,
сверкающий,
как самородок,
горнист,
взойдя над всей
Вселенной,
сощурясь,
вскинул подбородок.
И красный флаг
плывет,
стегает
распахнутые небеса,
и по щеке моей
стекает
слеза...

НАТАШЕ, УЕЗЖАЮЩЕЙ В ЕГИПЕТ

Опять Россия посылает
в далекий край
своих детей,
опять обнимет,
пожелает
обратного
средь всех путей.
Опять понять ее попросит
и мудрость новую вручит...
Давай нырнем-ка
в этот просек,
и в это поле,
и в лучи...
Какая сладость
в летней силе
соцветий,
бликов,
облаков!
Какой веселый,
синий-синий
поющий цвет у васильков!
К березе теплой
прислониться,
глядеть в лесную ширину,—
сквозь листья
свет косой
слоится,
процеживая тишину.
Идти тропою
в синих звездах,
где юный колос
влажно туг,—
к ладоням льнет
горячий воздух,
настоянный на сене
дух.
Там, у малинников
прожарясь,
плывет он другом летних снов...
Гляди!
К груди твоей
прижались
ромашек солнца —
белый сноп!
Итак,
друг друга покидая,
растаем в разном далеке.
Давай еще раз
погадаем
на этом солнышке
в руке,
давай в протоку
покидаем
серебряные лепестки,
им на прощанье
покиваем,
не пряча счастья
и тоски.
Гудит ромашковая кипень,
и васильковый брызжет свет,—
я мало знаю
про Египет,

но этого
в Египте нет.
В краю, не менее лучистом,
коснувшись вечности слегка,
поймешь ты,
как сладка Отчизна,
втройне сладка,
коль далека!
В чужой ночи,
быть может, тяжкой,
под гроздью
сочных южных звезд,
пропахший
солнцем и ромашкой,
ты вспомни
наш дощатый мост!
Возьми с собой
цвет этот синий,
горячий, белый аромат
и будешь ты
самой Россией
средь пирамидовых громад!
И будешь ты
частицей гимна
красе людской,
красе земной,
той, без которой
ни Египта,
ни жизни б
не было
самой...

Пахучий венчик
вздрогнул гибко,
как след соленый
за кормой.

СОКОЛЬНИКИ
(или тихая песенка)

Вы шумный город бросите,
и вот уже вы тут,
где лучевые просеки
задумчиво бредут.
Сокольники, Сокольники,
та стежка,
та скамья...
Любовь моя, Сокольники,
любовь, тоска моя.
Тоска моя неспорая,
как искорка огня,
тоска по той, которая
пройдет здесь без меня.
Здесь клены есть,
осины есть,
березы манят в глушь,
а небо, небо синее,
московское к тому ж!
Здесь тихо, не накурено,
в траве молчат шаги.
А в листьях
маникюрные
мелькают огоньки.
О, сколько раз ходил я здесь,
где зреет бузина;
душа взгрустнет,
потом вздохнет
и вот уж спасена!
С аэродромов скоренько —
еще полет в ушах —
в Сокольники, в Сокольники
я устремлял свой шаг!
Сокольники, Сокольники,
та стежка,
та скамья,
любовь моя, Сокольники,
любовь, тоска моя.
Тоска моя неспорая,
как искорка огня,
тоска по той, которая
пройдет здесь без меня...

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ

ПРАЗ
КОТОРЫЙ

СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД

Его талант был таким же естественным, как узор, образуемый пыльцой на крыльях бабочки. Одно время он понимал это не больше, чем бабочка, и не заметил, как талант его стерся и поблек. Позднее он понял, какими его крылья были прежде и во что они превратились теперь, он стал об этом думать, но не мог больше летать, потому что прошла уже страсть к полету, он мог только вспоминать о том, как легко это давалось когда-то...

Когда я впервые встретился со Скоттом Фицджеральдом, с ним произошла очень странная вещь. С ним происходило очень много странного, но именно этот случай врезался мне в память. Скотт пришел в бар «Динго» на улице Деламбр, где я сидел с какими-то случайными субъектами, представился сам и познакомил нас с высоким, приятного вида мужчиной, явившимся вместе с ним, сказав, что это знаменитый бейсболист Данк Чаплин. Я не следил за Принстонским бейсболом и никогда не слышал о Данке Чаплине, но он оказался необычайно славным, спокойным, непринужденным и дружелюбным малым и понравился мне больше, чем Скотт.

В то время у Скотта была внешность молодого парня, лицом он был не то красив, не то смазлив: светлые волнистые волосы, высокий лоб, беспокойные приветливые глаза и нежный, с длинными губами ирландский рот, который любую девушку сделал бы красавицей. У него был точеный подбородок, красивые уши и почти безупречный, без единого изъяна нос. Это еще не делало бы лицо смазливым, но тут главное было в цвете кожи, очень светлых волосах и форме рта. Этот рот вызывал какое-то беспокойство, пока вы не узнавали Скотта поближе, а потом он беспокоил вас еще больше.

Мне было очень любопытно взглянуть на него. Я весь день страшно много работал, и было просто чудесно, что здесь оказался Скотт Фицджеральд и великий Данк Чаплин, о котором я никогда прежде не слыхал, но который теперь стал моим другом. Скотт говорил не умолкая, и так как меня сильно смутило, что говорил он главным образом о том, как здорово я пишу, я вместо того, чтобы слушать, только внимательно наблюдал за ним. Тогда мы еще придерживались правила, по которому хвалить человека в лицо считалось дурной манерой. Скотт заказал шампанское, и он, Данк Чаплин и я выпили, помнится, с одним из случайных субъектов. Кажется, ни Данк, ни я не слушали речи Скотта — а это была самая настоящая речь,— и я продолжал изучать Скотта. Он был щуплым на вид и, вероятно, не очень-то крепкого здоровья, потому что лицо его было слегка одутловатым. Костюм от «Брукс Бразерс»[1] хорошо сидел на нем, он был в белой рубашке с пристегнутыми уголками воротника и при галстуке бывших гвардейцев[2]. Я подумал: может, стоит сказать ему о галстуке — в Париже жили англичане, они могли зайти в «Динго», двое даже сейчас сидели здесь,— но потом решил: ну его к черту — и продолжал смотреть на него. Позднее выяснилось, что он купил галстук в Риме.

Глядя на него, я ничего нового для себя не открыл, не считая того, что у него были изящной формы и, как видно, ловкие руки, не слишком маленькие, а когда он сел на табурет у стойки, я заметил, что у него очень короткие ноги. Будь у него нормальные ноги, он стал бы на два дюйма выше. Мы допили первую бутылку шампанского, приступили ко второй, и красноречие Скотта пошло на убыль.

Мы с Данком почувствовали себя даже лучше, чем до шампанского; было приятно, что речь подходит к концу. До сих пор я полагал, что только нам с женой да нескольким близким знакомым из понимающих была известна эта сокровенная тайна, что я великий писатель. Я был рад, что Скотт пришел к тому же приятному выводу насчет этого моего величия, но еще больше я был рад и тому, что его речь начала иссякать. Однако за речью тут же последовали вопросы. Когда он говорил, можно было не слушать и изучать его, но от вопросов спасения не было. Скотт, как я вскоре убедился, полагал, что романист вправе знать все, что ему требуется, устраивая допросы своим друзьям и знакомым. Вопросы он ставил в лоб.

— Эрнест,— сказал он,— вы не против, если я вас буду называть Эрнест, правда?

— Спросите у Данка,— сказал я.

— Не валяйте дурака. Я серьезно. Скажите, вы спали со своей женой до женитьбы?

— Не знаю.

— То есть как это не знаете?

— Я не помню.

— Но как вы можете не помнить таких важных вещей?

— Я не знаю,— сказал я.— Странно, не правда ли?

— Это больше чем странно,— сказал Скотт.— Вы должны непременно вспомнить.

— Виноват. Жаль, не правда ли?

— Бросьте вы отвечать, как английский матрос,— сказал он.— Напрягите же хоть немного память.

— Еще чего! — сказал я.— Это безнадежно.

— Вы вспомните, если действительно захотите.

Его красноречие обходится, однако, довольно дорого, подумал я. Интересно, всех ли он угощает речами; вряд ли, подумал я, так как заметил, что он вспотел, пока ораторствовал. На его длинной, безупречно ирландской верхней губе выступили мелкие капельки пота; тогда-то я и перевел взгляд с его лица вниз и прикинул длину его ног, которые он поджал, сидя на табурете у стойки. Потом я снова посмотрел ему в лицо, и вот тут с ним произошла странная вещь.

Он сидел у стойки с бокалом шампанского, и кожа словно туго обтянула все его лицо, так что исчезла одутловатость, потом натянулась еще сильнее, пока оно не стало походить на лицо мертвеца. Глаза ввалились и словно остекленели, губы крепко сжались, краска отхлынула от лица, и оно приобрело цвет растопленного свечного воска. Это не было игрой моего воображения. На моих глазах его лицо превратилось в лицо мертвеца или маску, снятую с покойника.

— Скотт,— сказал я,— что с вами?

Он не ответил, лицо его осунулось еще больше.

— Может, отвезем его на пункт первой помощи? — предложил я Данку Чаплину.

— Не надо. С ним все в порядке.

— Похоже, что он умирает.

— Нет. С ним это бывает.

В другой раз, когда мы сидели на открытой террасе кафе «Лила» и наблюдали, как сгущаются сумерки, как шагают по тротуару люди, и за тем, как меняется серый свет вечера, выпитые два виски с содовой не вызвали в Скотте никаких химических перемен. Я настороженно ждал этого, но этого не произошло, и он больше не задавал нескромных вопросов, не ставил никого в тупик, не произносил речей и вел себя, как нормальный, умный и обаятельный человек.

Он сказал мне, что он и его жена Зельда из-за плохой погоды были вынуждены оставить свой маленький «рено» в Лионе, и тут же спросил меня, не поеду ли я с ними поездом в Лион, где мы заберем машину и вернемся на ней в Париж.

Это привело меня в восторг. Я буду спутником старшего и преуспевающего писателя, и за то время, что нам придется разговаривать в машине, я, конечно, узнаю много полезного. Сейчас странно вспоминать, что я считал Скотта старшим писателем, но в то время я еще не читал его романа «Великий Гэтсби», и он казался мне намного более старым писателем, чем я сам. Я знал, что он пишет рассказы для «Сатердей ивнинг пост», которые широко читали года три назад, но никогда не считал его серьезным писателем. В «Клозери де Лила» он мне рассказывал, что пишет хорошие, по его мнению, рассказы — они действительно были хороши для этого журнала,— но что затем, перед сдачей в редакцию, переделывает их, точно зная, как нужно их закрутить, чтобы превратить в ходкий для журнала товар.

Я был потрясен и сказал, что, по-моему, это проституирование искусства. Он согласился, что это проституирование, но сказал, что вынужден делать это, потому что журналы приносят ему деньги, которые нужны, чтобы писать приличные книги. Я сказал, что, по-моему, нужно создавать лучшее, на что ты способен, иначе погубишь свой талант. Скотт сказал, что вначале он ведь пишет настоящий рассказ, и то, что он потом губит его, не причиняет ему вреда как писателю. Я не мог поверить этому и хотел переубедить его, но, чтобы подкрепить свою позицию, мне был нужен хоть один собственный роман, а я еще не написал ни одного романа.

Сам я уже начал добираться до сути того, как надо писать, и стал избавляться от всякого приглаживания и старался творить, вместо того чтобы описывать, и поэтому писать стало для меня чудесным занятием. Но давалось

См. «Огонек» №№ 17, 18.

[1] Крупный универсальный магазин в Нью-Йорке.

[2] В Англии распространен обычай, по которому выпускники ряда университетов, члены некоторых клубов, бывшие военнослужащие и прочие носят галстуки особой расцветки, по которой узнают друг друга.

ДНИК,

НОСИШЬ С СОБОЙ

все это с огромным трудом, и я не знал, смогу ли написать такую большую вещь, как роман. Нередко, чтобы написать один абзац, мне приходилось работать целое утро.

В то утро, когда мы условились отправиться с Лионского вокзала, я приехал туда задолго до Скотта и ожидал его у входа на перрон. Он должен был принести билеты. Время отправления поезда подошло, а он не появлялся, и я купил перронный билет и пошел вдоль вагонов, надеясь увидеть его, но не нашел и там. Состав вот-вот должен был тронуться, и я вскочил в вагон и прошел по всему поезду в надежде, что он уже занял свое место. Состав был длинный, и ни в одном вагоне его не оказалось. Я объяснил все кондуктору, заплатил за билет второго класса — третьего не оказалось — и заодно узнал у кондуктора, какой самый хороший отель в Лионе. Мне не оставалось ничего другого, как телеграфировать Скотту из Дижона, сообщив ему адрес лионского отеля, в котором я буду его ждать. До отъезда телеграмму он уже не получит, но его жена, вероятно, перешлет ее ему. До сих пор я никогда не слышал, чтобы взрослый человек опаздывал на поезд, однако во время этой поездки мне предстояло узнать много нового.

В те дни у меня был очень дурной, нетерпеливый характер, но к тому времени, когда мы проехали Монтро, я успокоился и был уже не настолько зол, чтобы не любоваться сельскими пейзажами, а в полдень я хорошо поел в вагоне-ресторане и выпил бутылку «Сен-Эмильона» и решил, что даже если я и оказался таким идиотом, что принял приглашение на поездку, которую должен был оплатить кто-то другой, и теперь трачу на нее деньги, которые нужны нам на путешествие в Испанию,— для меня это хороший урок. Я никогда не соглашался на поездки за чужой счет, а платил всегда сам за себя, и на этот раз тоже настоял, чтобы мы платили за гостиницу и питание отдельно. Но теперь я не знал, появится ли Фицджеральд вообще. Пока я злился, я разжаловал его из Скотта в Фицджеральда. Позднее я был очень доволен, что исчерпал всю злость в самом начале и у меня ее больше не осталось. Поездка эта была не для человека, которого легко разозлить.

В гостинице ничего не знали о Скотте, и я улегся в постель среди непривычной гостиничной роскоши и принялся читать том «Записок охотника» Тургенева, который взял в библиотеке Сильвии Бич. Впервые за три года я был среди роскоши большого отеля, и я широко распахнул окна и подложил подушки под плечи и голову и радовался тому, что перенесся с Тургеневым в Россию, покуда не уснул с книгой в руках. Утром я брился перед завтраком, когда мне позвонили и сказали, что внизу меня ждет какой-то господин.

— Попросите, пожалуйста, его подняться,— сказал я и продолжал бриться, прислушиваясь к шуму города, который жил уже полной жизнью.

Скотт наверх не поднялся, и мы встретились внизу.

— Мне ужасно неловко из-за всей этой путаницы,— сказал он.— Если бы я знал, в какой гостинице вы остановились, все было бы просто.

— Совершенно верно,— сказал я; нам предстояла длительная поездка, и я был настроен мирно.— Каким поездом вы приехали?

— Вскоре после вашего. Поезд был очень удобный, и можно было чудесно устроиться в нем вместе.

— Вы завтракали?

— Нет еще. Я гонялся за вами по всему городу.

— Какая досада! — сказал я.— Разве дома вам не сказали, что я здесь?

— Нет. Зельда неважно себя чувствовала, и мне, вероятно, не следовало ехать. Пока все это путешествие складывается крайне неудачно.

— Давайте позавтракаем, отыщем машину и покатим,— сказал я.

— Отлично. Завтракать будем здесь?

— В кафе было бы быстрее.

— Но ведь здесь наверняка хорошо кормят.

— Что ж, ладно.

Это был большой, настоящий американский завтрак с яичницей и ветчиной, и все было очень вкусно. Пока мы заказывали, ждали, ели и снова ждали, чтобы расплатиться, прошел почти час. Только когда официант принес счет, Скотт решил потребовать, чтобы нам приготовили корзину с провизией на дорогу. Я пытался отговорить его, так как был уверен, что бутылку «Масона» мы сможем купить в самом Масоне, для сандвичей достанем что-нибудь в колбасной. Или же, если к тому времени все будет закрыто, по пути найдется сколько угодно ресторанов, где можно остановиться. Но он напомнил, что я говорил ему, что в Лионе прекрасно готовят цыплят и что, конечно же, нам надо взять одного с собой. В итоге в отеле нам приготовили целый обед, который обошелся в четыре или пять раз дороже, чем если бы мы все купили сами.

Скотт, очевидно, выпил еще до того, как мы встретились, и мне показалось, что ему хочется выпить еще. Я предложил зайти в бар, перед тем как тронуться в путь. Он сказал мне, что по утрам не пьет, и поинтересовался, пью ли я. Я сказал ему, что это зависит целиком от того, какое у меня настроение и что мне предстоит делать, а он сказал, что если у меня есть настроение выпить, то он составит мне компанию, чтобы я не пил в одиночестве. Так что в ожидании обеда мы выпили в баре по виски и «Перье», и нам обоим стало гораздо лучше.

Я заплатил за комнату и за бар, хотя Скотт хотел заплатить за все. С самого начала поездки мне было как-то не по себе из-за этого, и я убедился, что чувствую себя гораздо лучше, когда сам плачу за все. Я тратил деньги, которые мы накопили на поездку в Испанию, но я пользовался кредитом у Сильвии Бич и мог занять у нее и возместить все, что трачу сейчас.

В гараже, где Скотт оставил свою машину, я был удивлен, увидев, что его маленький «Рено» не имеет верха. Верх был поврежден при выгрузке машины в Марселе или каким-то другим образом, и Зельда велела снять его совсем и не позволила ставить новый. Скотт объяснил, что его жена вообще ненавидит крытые машины. Они доехали без верха до Лиона, где их застал дождь. В остальном машина была в хорошем состоянии, и Скотт расплатился по счету, вначале не пожелав платить за мойку, смазку и заливку двух литров масла. Механик гаража втолковывал мне, что нужно заменить поршневые кольца и что на машине ездили подчас без масла и воды. Он показал мне, что мотор перегревается и на нем обгорела краска. Механик добавил, что если бы я мог убедить месье поставить кольца в Париже, то машина — а это хорошая маленькая машина — могла бы еще долго служить.

— Месье не разрешил мне заменить верх,— сказал механик.

— Вот как?

— К машине нужно относиться с уважением.

— Это верно.

— У вас, господа, нет дождевиков?

— Нет,— сказал я.— Я не знал, что нет верха.

— Постарайтесь заставить месье быть серьезным,— почти умоляюще сказал механик.— Хотя бы по отношению к машине.

— Увы! — сказал я.

Дождь захватил нас примерно через час к северу от Лиона.

В тот день мы раз десять останавливались из-за дождя. Это были проходящие ливни, но некоторые шли дольше, чем обычно. Если бы у нас были непромокаемые плащи, было бы даже приятно ехать под этим весенним дождем. Нам же пришлось искать укрытия под деревьями или останавливаться у придорожных кафе. У нас была с собой великолепная еда из лионского отеля, отличный жареный цыпленок с трюфелями, великолепный хлеб и белое вино «Масон», и Скотт буквально блаженствовал, когда мы пили белый «Масон» на каждой остановке. В Масоне я купил еще четыре бутылки прекрасного вина и откупоривал их по мере надобности.

Я не уверен, приходилось ли прежде Скотту пить вино прямо из горлышка, и он был возбужден, как девушка, которая впервые пошла купаться без купальника. Но уже после полудня он стал беспокоиться о своем здоровье. Он рассказал мне о двух людях, которые недавно умерли от застоя легких. Оба они умерли в Италии, и он был глубоко потрясен этим.

Я сказал ему, что застой легких — это старинное название пневмонии, а он ответил мне, что я ничего в этом не смыслю и совершенно неправ. Застой легких — это недуг, который распространен в Европе, и я не могу ничего о нем знать, даже если читал медицинские книги своего отца, ведь в них говорилось только об американских болезнях. Я сказал, что мой отец учился и в Европе. Но Скотт возразил, что застой легких появился в Европе только недавно и мой отец не мог ничего знать об этой болезни. Он объяснил также, что в разных частях Америки болезни разные и если бы мой отец практиковал в Нью-Йорке, а не на Среднем Западе, то он бы знал совершенно другую гамму болезней. Он так и сказал: «гамма».

Я сказал, что он прав в том, что в одной части Соединенных Штатов встречаются болезни, которые отсутствуют в другой, и привел в пример высокую заболеваемость проказой в Нью-Орлеане и низкую — в Чикаго. Но я заметил, что у врачей есть обычай обмениваться знаниями и информацией, и раз уж он заговорил об этом, я могу сослаться на авторитетную статью об этом самом застое легких в Европе, напечатанную в «Журнале

На открытии выставки. Выступает главный редактор газеты «Правда» П. А. Сатюков.

ДОБРЫЕ ВСТРЕЧИ

В Москве, в Выставочном зале на Кузнецком мосту, открылась выставка «Добрые встречи» журналиста-фотолюбителя Владимира Семеновича Лебедева. Уже в первые дни ее посетили многие сотни москвичей.

Мы знаем В. С. Лебедева как одного из авторов книги «Лицом к лицу с Америкой». Книга эта, повествующая о поездке Н. С. Хрущева в США, удостоена Ленинской премии.

В. С. Лебедеву довелось сопровождать Н. С. Хрущева в поездках по нашей стране и за границей. Об этом он рассказывает в своих фотографиях.

Посетители выставки с восхищением будут рассматривать мастерски сделанные портреты, пейзажи нашей Родины и многих других стран.

Пожелаем же автору дальнейших успехов на поприще фотоискусства.

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ

Загадка, проблема, открытие, факт

СЛОМАННЫЙ ЗВУК

Бороться с шумом посредством пилы? Да разве это возможно?

Французские архитекторы разработали проект гостиницы, расположенной всего в 300 метрах от парижского аэропорта. Фасад гостиницы имеет форму зубьев пилы. Шум аэропорта разламывается и откатывается назад, как волна от плотины. Звукопоглощающие стены, толстые ковры и окна с двумя герметически закрытыми рамами, расположенными на расстоянии 30 сантиметров друг от друга, довершают дело. Ученые предполагают, что живущие в гостинице смогут наблюдать за взлетом и посадкой самолетов, как на сеансе немого фильма. Даже грохот реактивных двигателей будет восприниматься как едва слышимый шорох.

ДРУЗЬЯ КОНСТРУКТОРА

Сколько времени и труда уходило в конструкторских бюро на копирование чертежей и схем! Подсчитали, что

американской медицинской ассоциации», где эта болезнь прослеживается от наших дней до самого Гиппократа. Это немного его успокоило, и я уговорил его выпить еще «Масона», утверждая, что хорошее белое вино с низким содержанием алкоголя является чуть ли не лекарством, которое прописывают специально от этой болезни.

После этого Скотт немного повеселел, но вскоре начал снова сдавать и спросил, успеем ли мы попасть в большой город, пока у него не начался жар и бред, которые, как я успел ему сказать, суть симптомы настоящего застоя легких в европейском стиле. Тогда я стал приводить выдержки из статьи, которую прочел когда-то, о той же болезни во французском медицинском журнале, когда ждал в американском госпитале в Нейи своей очереди на прижигание гланд, сказал я ему. Слово «прижигание» подействовало на Скотта успокаивающе. Но он хотел знать, когда мы доедем до города. Я сказал, что если поднажмем, то доедем минут через двадцать пять или через час.

Потом Скотт спросил меня, боюсь ли я умереть, и я сказал, что иногда боюсь, а иногда не очень.

Теперь дождь лил как из ведра, и мы укрылись в ближайшей деревне в кафе. Я не помню всех подробностей того вечера, но когда мы наконец попали в гостиницу, кажется, в Шалон-сюр-Саон, было так поздно, что все аптеки уже закрылись. Как только мы добрались до гостиницы, он разделся и лег в постель. Он ничего не имеет против того, чтобы умереть от застоя легких, сказал он. Вопрос лишь в том, кто позаботится о Зельде и маленькой Скотти. Я не очень себе представлял, как я смогу заботиться о них, потому что у меня самого хватало забот с моей женой Хэдли и сынишкой Бамби, но я сказал, что сделаю все, что в моих силах, и Скотт поблагодарил меня. Мне только надлежало проследить, чтобы Зельда не пила и чтобы у Скотти была английская гувернантка.

Мы отдали просушить нашу одежду и остались в одних пижамах. На улице все еще шел дождь, но в комнате было светло и весело от электрического света. Скотт лежал в постели, чтобы набраться сил для будущего единоборства с болезнью. Я пощупал у него пульс — оказалось, семьдесят два — и потрогал лоб, который был холодным. Я выслушал его, заставив дышать глубоко, но в груди у него ничего угрожающего не обнаружил.

— Слушайте, Скотт,— сказал я.— Вы в полном порядке. Лучшее, что вы можете сделать, чтобы не простудиться,— это остаться в постели, а я закажу лимонного сока и виски, и вы запьете им аспирин и будете чувствовать себя прекрасно, и у вас даже не будет насморка.

— Уж эти мне бабкины средства!— сказал Скотт.

— У вас совсем нет температуры. Как же, черт возьми, у вас может быть застой легких без температуры?

— Чего вы ругаетесь?— сказал Скотт.— Откуда вы знаете, что у меня нет температуры?

— Пульс у вас нормальный, и на ощупь жара нет.

— На ощупь! — сказал Скотт с горечью.— Если вы мне настоящий друг, достаньте термометр.

— Но ведь я в пижаме.

— Пошлите за термометром.

Я позвонил официанту. Он не пришел, и я позвонил снова, а потом вышел в коридор, чтобы разыскать его. Скотт лежал с закрытыми глазами, медленно и осторожно дыша, и его восковое лицо с идеальными чертами делало его похожим на маленького мертвого крестоносца. Я начинал уставать от этой литературной жизни, если это времяпрепровождение можно назвать литературной жизнью, и я уже скучал по работе и уже чувствовал то унылое одиночество, которое наступает в конце всякого вычеркнутого из жизни дня. Я очень устал от Скотта и от этой глупой комедии, но я разыскал официанта и дал ему денег на термометр и аспирин и заказал два citron pressés[1] и два двойных виски. Я попытался заказать бутылку виски, но здесь продавали только в разлив.

А там, в комнате, Скотт все еще лежал, как изваяние на собственном надгробии; его глаза были закрыты, и он дышал с примерным достоинством.

Услышав, что я вхожу в комнату, он заговорил:

— Вы достали термометр?

Я подошел и положил руку на лоб. От лба не веяло могильным холодом. Он был прохладный и сухой.

— Нет,— сказал я.

— Я думал, вы его принесли.

— Я послал за ним.

— Это не одно и то же.

— Что верно, то верно.

На Скотта можно было сердиться не больше, чем на умалишенного, и я начинал злиться на себя за то, что ввязался в эту глупую историю. Но в чем-то он был прав, и я хорошо это понимал. Многие пьяницы умирали в те времена от пневмонии — болезни, которая сейчас почти преодолена. Но было трудно считать Скотта алкоголиком, на него действовали даже ничтожные дозы спиртного.

[1] Лимонный сок.

у нас в стране такой работой занимается более 80 тысяч человек. А ведь это — население целого города. Немало времени идет и на сверку копий с оригиналами.

В Вильнюсском научно-исследовательском институте электрографии создан специальный репродукционный аппарат «ЭРА-1». Он уже выпускается в Каунасе. С помощью аппарата можно быстро получить копии чертежей, выполненных карандашом, чернилами, тушью, а также копии машинописного текста.

Еще быстрее, чем «ЭРА-1», работают ротационные электрографические машины, созданные в Ленинграде. Производительность копирования на таких аппаратах возрастает в десятки раз.

ДИАЛЕКТЫ ПТИЧЬЕГО ЯЗЫКА

Знаете ли вы, что в «языках» птиц тоже существуют специальные диалекты? Этому любопытному открытию сотрудников западногерманской орнитологической опытной станции предшествовала долгая и кропотливая работа. Определить акустические нюансы в щебете птиц очень сложно: он имеет, как правило, множество различных оттенков. Анализ птичьих голосов стал возможен лишь благодаря изобретению звукового спектрографа, который перевел записанные на пленку звуки из области акустики в область оптики. Новое устройство работает по принципу нотной транскрипции, то есть высокие тона располагаются выше от основной линии. Чем большую длительность имеет звук, тем длиннее будет горизонтальная линия, отображающая этот звук на пленке. Ученые доказали, что щебетание зябликов, взятых из различных областей страны, имеет типичные особенности, характерные для данного района. Это своеобразный диалект птичьего языка.

БРЕЛОК-ХОЛОДИЛЬНИК

Этот миниатюрный холодильник весит всего 170 граммов. Его можно повесить на пояс. От устройства отходят специальные пластиковые трубочки, которые пропускают холодный воздух под одежду. Холодильник, сконструированный недавно в США, предназначен в первую очередь для рабочих, занятых на химических заводах. Спецодежда с таким охлаждением хорошо защищает от жары.

СКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК ГОВОРИТ?

Венгерские ученые установили, что каждый человек в среднем ежедневно разговаривает час. За всю жизнь он говорит беспрерывно почти 3 года.

ПОЧЕМУ ЙОД НАЗЫВАЕТСЯ ЙОДОМ

Как открыли йод и почему он так называется?

В старину получали порох, смешивая селитру и уголь. И вот Куртуа — французский промышленник, который варил селитру из старых водорослей, однажды обнаружил, что на стенках котлов образуется накипь, которая разъедает металл. Он соскреб в пробирку накипь и показал ее двум знаменитым английским ученым — химику Гемфри Дэви и его ассистенту, впоследствии прославленному физику Майклу Фарадею. Они очень заинтересовались этими чешуйками серого цвета. Растворяли их в воде и в спирте.

Пары нового вещества были очень красивого лилового цвета. И Дэви назвал новое вещество йодом. По-гречески «йод» значит «лиловый».

Вот и получилось, что вещество, найденное при производстве пороха, стало служить людям как лекарство, залечивающее раны.

Когда явился официант с двумя стаканами выжатого лимона со льдом, виски и бутылкой воды «Перье», он сказал мне, что аптека закрыта и он не смог достать термометр. Он одолжил нам немного аспирина. Я спросил, не может ли он где-нибудь взять термометр. Скотт открыл глаза и окинул официанта своим недобрым ирландским взглядом.

— Вы сказали ему, как это серьезно?

— Я думаю, он понимает.

— Пожалуйста, постарайтесь ему втолковать.

Я постарался, и официант сказал:

— Я принесу, если смогу.

— Достаточно ли вы дали ему на чай? Они ведь работают только ради чаевых.

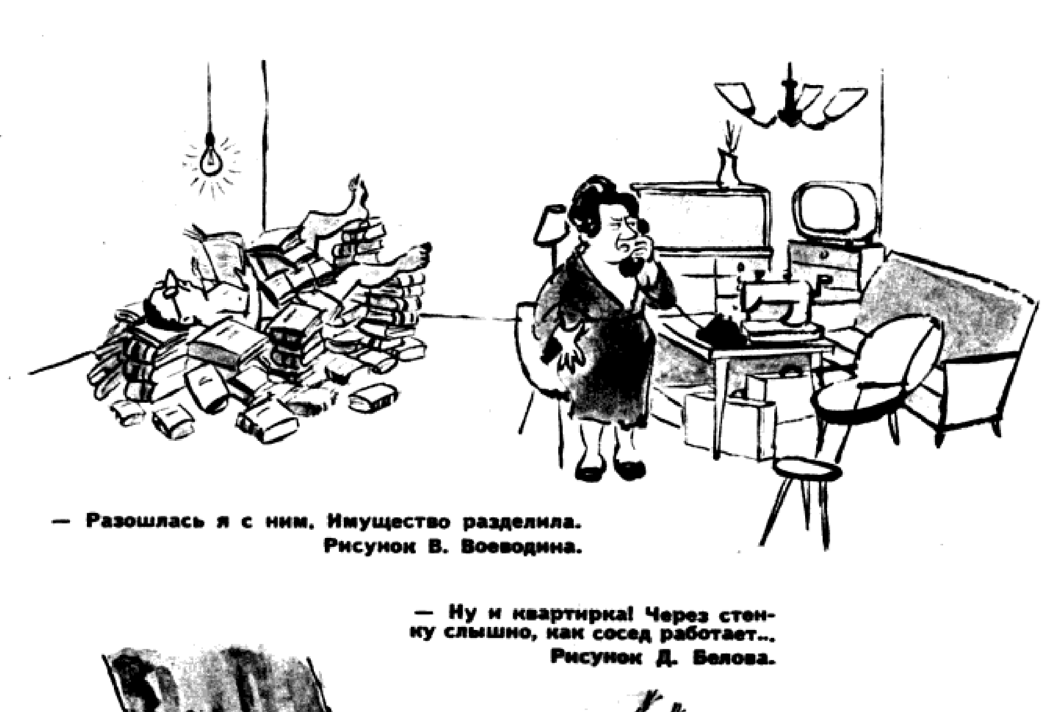
— Я не знал этого,— сказал я.— Я думал, гостиница тоже им платит кое-что.

— Я хотел сказать, что они сделают для вас что-нибудь только за приличные чаевые. Они почти все совершенно развращены этим.

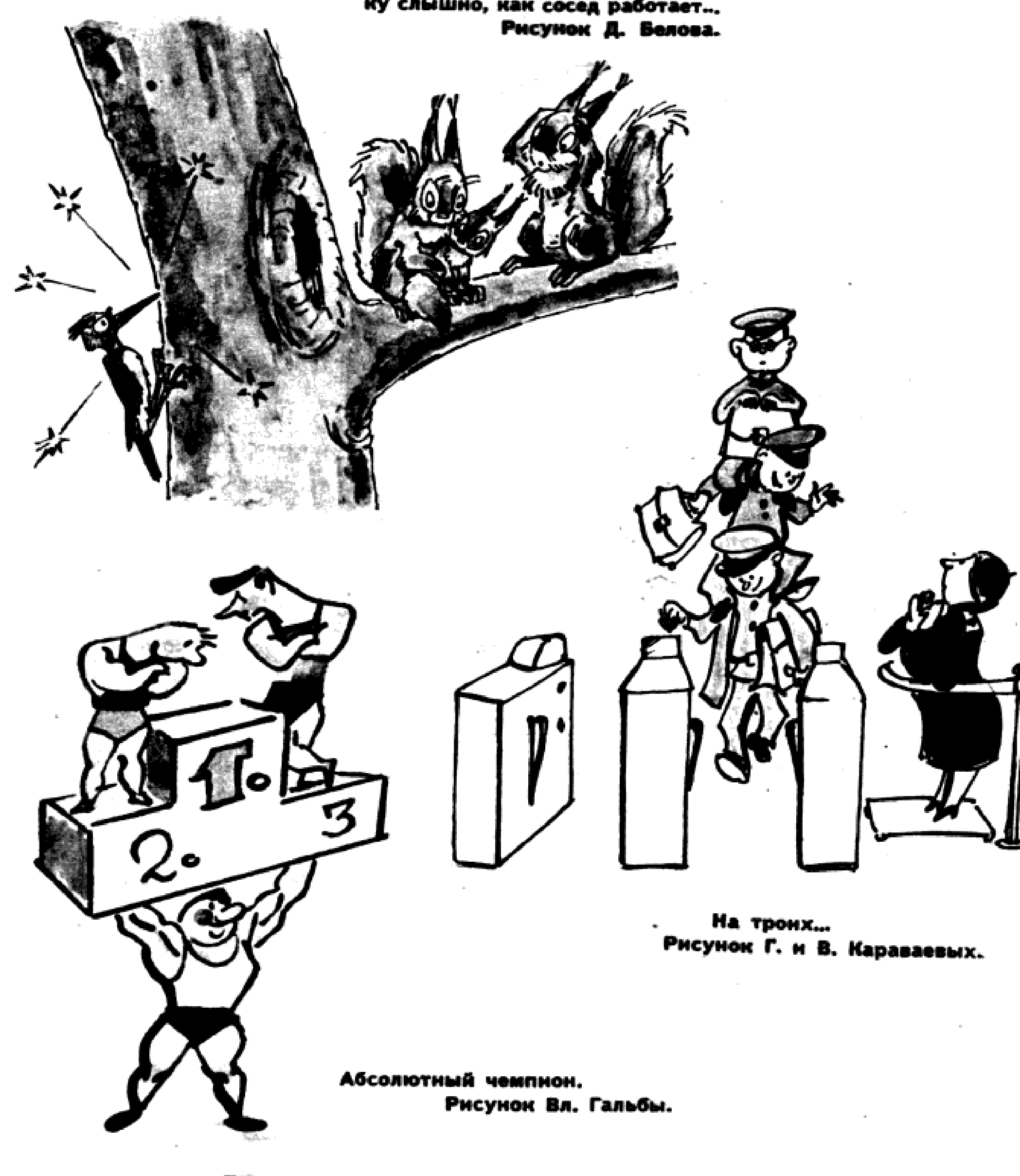
В то время Скотт ненавидел французов, и так как чаще всего ему приходилось общаться с официантами, языка которых он не знал, шоферами такси, служащими гаражей и хозяевами квартир, сдаваемых внаем, то у него было достаточно поводов оскорблять и поносить их.

Еще больше, чем французов, он ненавидел итальянцев и не мог говорить о них спокойно, даже когда был трезв. Англичан он тоже ненавидел, но иногда терпел их и редко уважал. Я не знаю, как он относился к немцам и австрийцам. Я не знаю, доводилось ли ему до этого встречать хотя бы одного немца, или австрийца, или какого-нибудь швейцарца.

Окончание следует.

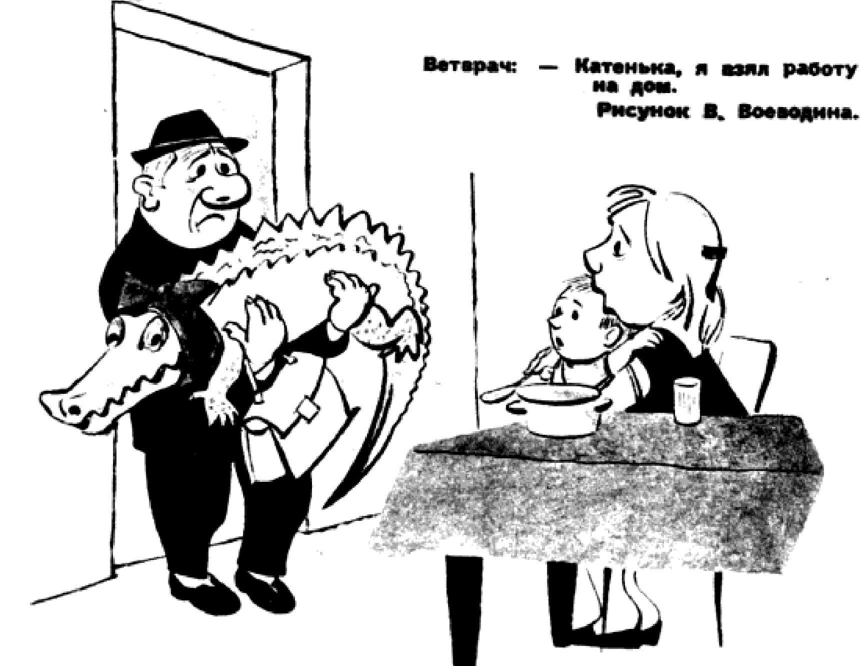
— Разошлась я с ним. Имущество разделила.
Рисунок В. Воеводина.

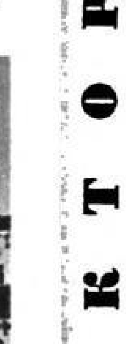
— Ну и квартирка! Через стенку слышно, как сосед работает...
Рисунок Д. Белова.

На троих...
Рисунок Г. и В. Караваевых.

Абсолютный чемпион.
Рисунок Вл. Гальбы.

Ветврач: — Катенька, я взял работу на дом.
Рисунок В. Воеводина.

ФОТОВИКТОРИНА

1

4

5

2

3

МОСКВА ВЧЕРА И СЕГО

Перед вами снимки старой и новой Москвы. Одни из них сделаны в конце девятнадцатого и начале двадцатого века. (Взяты нами из фонда Музея истории и реконструкции г. Москвы.) Другие наш фотокорреспондент А. Бочинин выполнил приблизительно с тех же точек недавно.

Постарайтесь отгадать, какие уголки старой Москвы соответствуют новым, как именовались они раньше и какое название носят теперь.

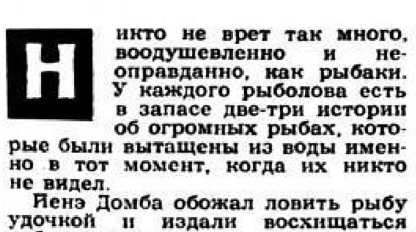
Ответы смотрите на 32-й странице этого номера журнала.

6

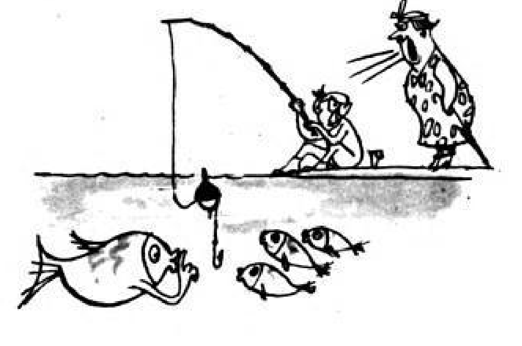

7

Рыболовная история

Пал КИРАЙХЕДИ

Никто не врет так много, воодушевленно и неоправданно, как рыбаки. У каждого рыболова есть в запасе две-три истории об огромных рыбах, которые были вытащены из воды именно в тот момент, когда их никто не видел.

Йенэ Домба обожал ловить рыбу удочкой и издали восхищаться собственной женой. Делать это вблизи он не любил, ибо супруга его была сварливой и использовала любой предлог для того, чтобы поучать мужа и пилить его.

Это случилось в один прекрасный зимний день. Сияющий Домба предстал перед женой и сказал:

— Рэнэ! Такого еще не бывало! Я поймал шесть больших рыб. В такой холод! Меньше чем за два часа. Во-от такие были! — с воодушевлением показал он.

— А где они сейчас? — спросила жена.

— Я их продал. Что бы мы стали делать с таким количеством рыбы? Знаешь ведь, я ловлю рыбу только из спортивного интереса.

Жена кисло поглядела на него.

— Послушай, Йенэ! В следующий раз мы будем вместе ловить рыбу,— заявила она твердо и добавила: — Ты всегда врешь. Я хорошо знаю, что ты и малька не выловил. Теперь я буду возле тебя, и мы посмотрим, где эти большие рыбы.

Домба был в отчаянии. Собственно говоря, рыбную ловлю он любил главным образом из-за того, что мог побыть один, без Рэнэ, и, что еще важнее, без ее голоса. В глубине души Йенэ не интересовали рыбы, а червяков в качестве приманки он просто терпеть не мог. Его мечтой было посидеть в одиночестве на берегу реки с удочкой в руках. Вот что любил Йенэ Домба.

Однако, к сожалению, через несколько дней жена настояла на том, что будет сопровождать супруга к его любимым рыбам.

Домба примирился с ударом судьбы. Есть беды, которые неизбежны. Он покорно шагал рядом с Рэнэ. Прибыв на берег реки, они остановились. Он нацепил червяка, забросил удочку и принялся ждать. Шли часы. Домба удил, но рыбы лишь смеялись над ним. Они плавали рядом, но было видно, что они вовсе не горят желанием проглотить крючок. А Рэнэ бранила мужа. Она называла его лжецом, что, пожалуй, было всего обиднее

— Хотела бы я знать,— пронзительным голосом, с едкой насмешкой трещала супруга,— в чем причина этой неудачи?

Домба вытащил удочку из воды. Крючок был пуст.

— Очень просто, Рэнэ. Когда ты здесь, рыбы просто рта не смеют открыть.

Перевела с венгерского Елена Тумаркина.

ФЕНОМЕНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

Пятилетнему Петру Новацки из Манкейто (США) показали тридцать фотографий лучших игроков в бейсбол. Под каждым снимком были написаны имя спортсмена, его вес, число состязаний, в которых он участвовал, и много других сведений. Мальчик только взглянул на снимки, раз прочитал текст и запомнил все данные о каждом игроке.

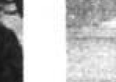
Петр научился читать, когда ему было три года. Для этого ему понадобилось всего несколько недель.

СВОЕВРЕМЕННОЕ НАПОМИНАНИЕ

Площадки для игры в гольф в столице Кении Найроби находятся по соседству с вольером для львов. На ограде вывешено такое предупреждение: «Если мяч окажется менее чем в трех метрах от льва, рекомендуем этим мячом больше не играть!»

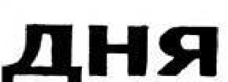
8

9

10

11

12

13 14

СУПЕРКВАЛИФИКАЦИЯ

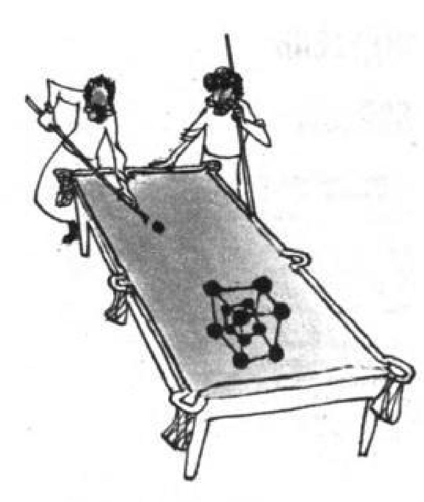
Полиция французского города Мец арестовала главаря шайки грабителей Рене Фарнье. Как выяснилось, Фарнье имеет три университетских диплома. Он был раньше доцентом философского факультета.

ОЛИМПИЙСКАЯ ЛОТЕРЕЯ

Олимпийский комитет получил из Японии три миллиона заявок на входные билеты на стадион. Чтобы выйти из положения, предназначенные для японских зрителей билеты разыгрываются по лотерее.

РИСКОВАННАЯ ЗАБАВА

На пляжах Калифорнии практикуется своеобразная езда на автомобиле по дюнам. Фокус заключается в том, чтобы на ходу поставить автомобиль в вертикальное положение.

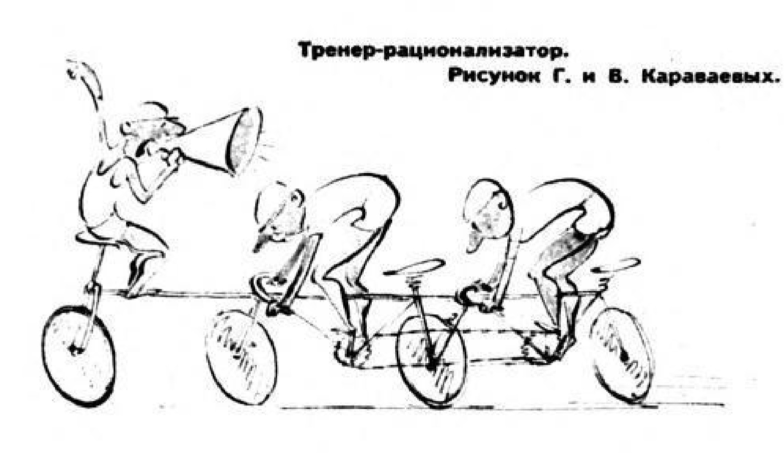

Физики на отдыхе.
Рисунок Ю. Черепанова.

— Солнце начало припекать.
Рисунок Ю. Черепанова.

Тренер-рационализатор.
Рисунок Г. и В. Караваевых.

Экзамен автомобилиста.

— А это что?
— Спиртометр.

Рисунок В. Воеводина.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Автор пьесы «Мизантроп». 6. Часть знамени. 7. Высшее учебное заведение. 12. Сумка для карт. 14. Разновидность пиджака. 15. Курорт на берегу Черного моря. 18. Вид лирического стиха. 19. Постоянная величина в математике в условиях данной задачи. 20. Русская народная плясовая песня. 23. Пролив между Балтийским и Северным морями. 24. Кондитерское изделие. 28. Металл. 30. Огородное растение. 31. Несходство. 32. Режиссер, педагог, теоретик театра. 33. Документ, содержащий какие-либо данные. 34. Советский поэт.

По вертикали:

1. Романс А. А. Алябьева. 2. Тело космического происхождения, упавшее на землю. 3. Мерило для оценки. 4. Положение, принимаемое без доказательств. 8. Декоративное дерево. 9. Толкование, объяснение. 10. Музыкальное сопровождение. 11. Канат для управления парусами. 13. Штангист, рекордсмен мира. 16. Город в Башкирской АССР. 17. Духовой инструмент народов Средней Азии и Кавказа. 21. Матросский танец. 22. Оперетта И. Кальмана. 25. Детский журнал. 26 Языковед. 27. Поэма А. С. Пушкина. 29. Душистое вещество, употребляемое в кулинарии.

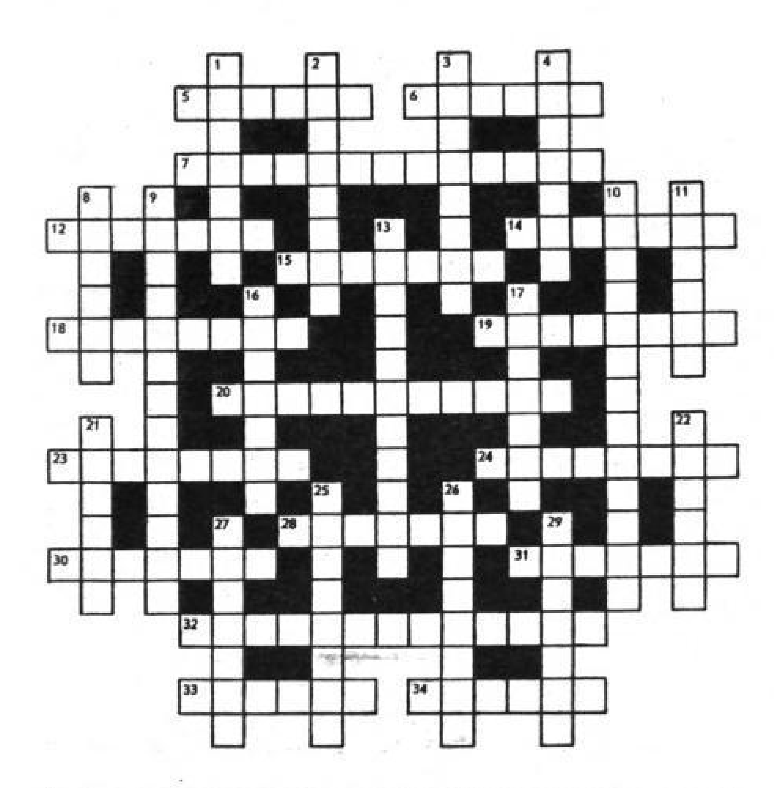
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали:

7. Оренбург. 8. Демосфен. 9. Направник. 10. Удочка. 12. Акцент. 14. Вальс. 16. Погода. 18. «Симона». 19. Туруханск. 22. Савона. 23. Тантал. 24. Фотон. 26. Уганда. 28. Проект. 29. Рокировка. 30. Чернотал. 31. Рейсшина.

По вертикали:

1. Кабина. 2. Ерошка. 3. «Кругозор». 4. Припев. 5. Теннис. 6. Шестерня. 11. Кроссворд. 13. Комбайнер. 15. Лазурит. 17. Астра. 18. Сонет. 20. Кавальер. 21. Балерина. 24. Фиксаж. 25. Неврев. 27. Ариозо. 28. Парсек.

На первой странице обложки: Праздничная Москва.

Фото Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: Весна в горах Таджикистана.

Фото М. Савина.

ОТВЕТЫ НА ФОТОВИКТОРИНУ, НАПЕЧАТАННУЮ НА 30-й И 31-й СТРАНИЦАХ

Фото 1 и 10. Страстная площадь, переименованная в площадь имени Пушкина.

2 и 14. Лубянская, сейчас площадь имени Дзержинского.

3 и 12. Никольская улица, ныне улица 25 Октября.

4 и 13. Москворецкий мост.

5 и 9. Котельническая набережная.

6 и 11. Лужники.

7 и 8. Алексеевская, сейчас Большая Коммунистическая улица.

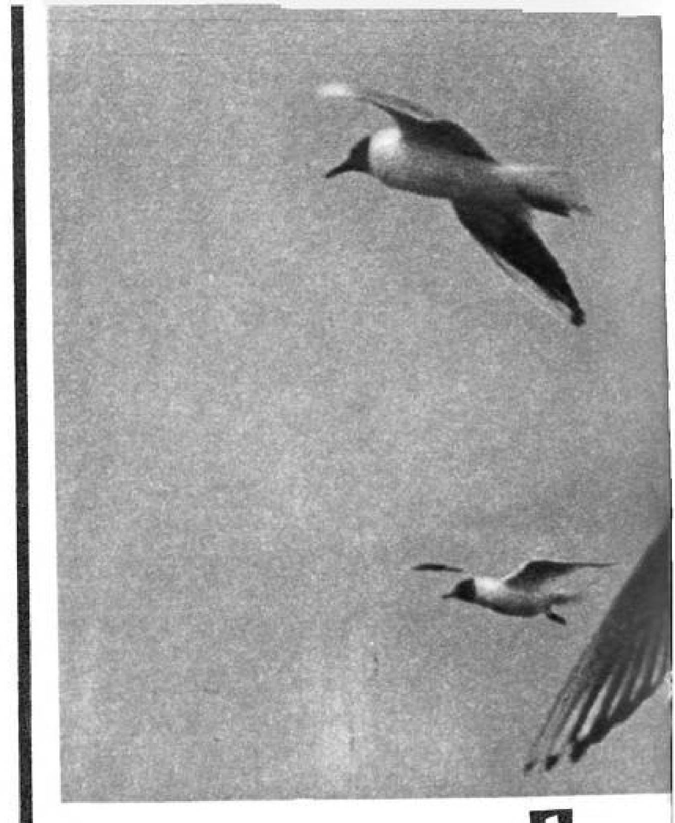
СВИДЕТЕЛИ БОРЬБЫ

Несколько лет назад при прокладке газопровода в городе Черновцы строители нашли первомайский значок 1903 года. На нем была изображена фигура рабочего, разбивающего молотом цепи. С находкой строители пришли в краеведческий музей.

Так было положено начало нашей коллекции значков, которые носили рабочие на первомайских демонстрациях.

Перед вами снимки трех первомайских значков 1909, 1911 и 1912 годов. Надписи на них, сделанные на немецком языке, гласят: «8-часовой день», «Долой военные расходы!», «Да здравствует интернационал!».

Б. ТИМОЩУК,
научный работник Черновицкого краеведческого музея

Весенняя суета

Спешат с юга журавли, режут весенний воздух крикливые крякаы, стаями мчатся легкокрылые чайки (фото 1).

Весна в этом году какая-то непонятная. В бору уже расцвела сон-трава (фото 2), набухли почки на деревьях (фото 3), а на заснеженной поляне еще бьется за жизнь голубоглазый подснежник (фото 4).

И если рябчика вполне устраивают прошлогодние ягоды (фото 5), то косулю засохший былинник не радует (фото 6).

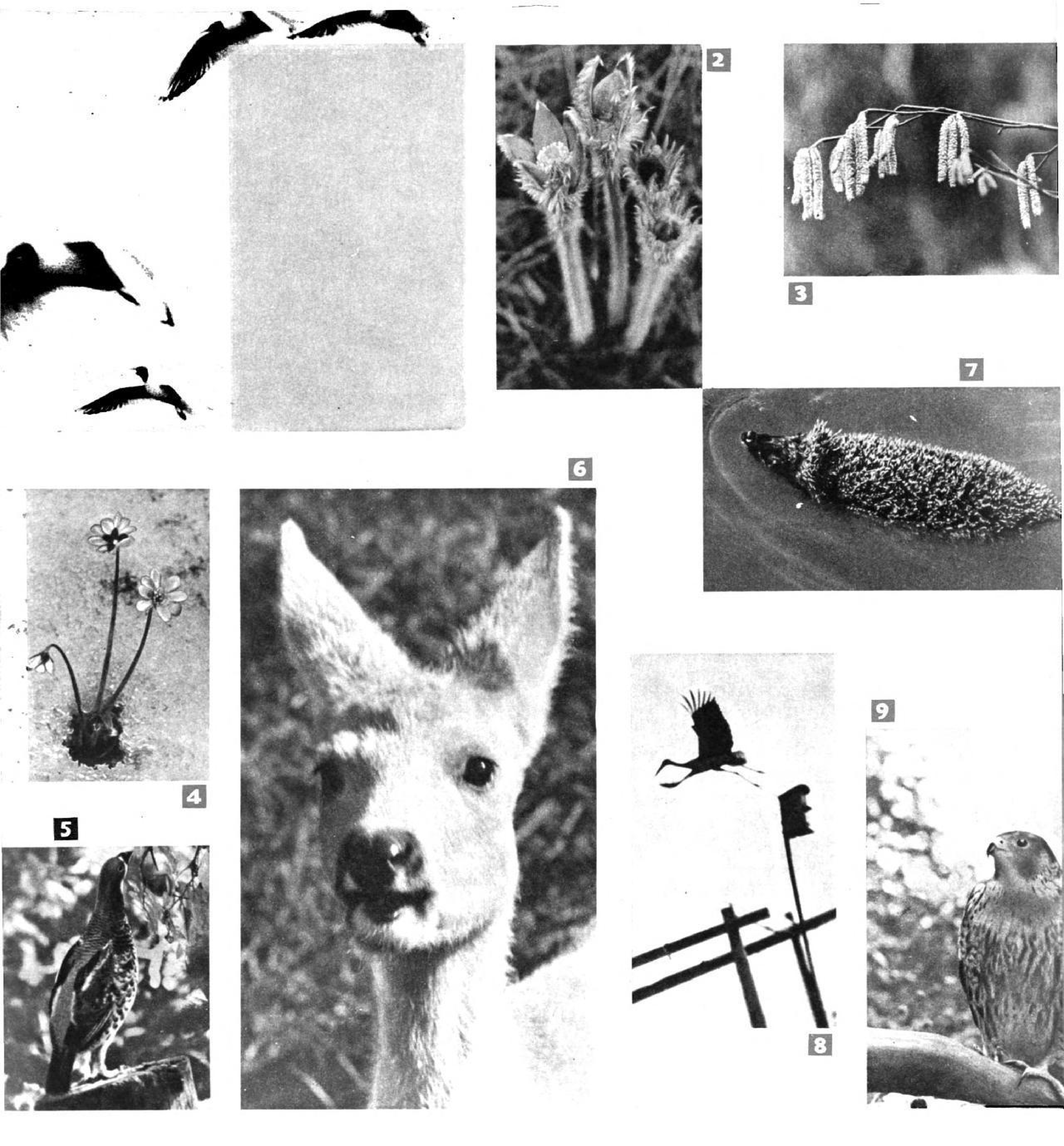
Но весна берет свое. Все рады ей и полны забот. Спешит поменять квартиру еж (фото 7). В поисках жилья мечется аист (фото 8). А могучий сокол-сапсан уже спокоен. Он облюбовал себе охотничий район (фото 9).

А. САБОДАШ

Фото автора.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. Казакова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 01804. Подписано к печати 27/IV 1964 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 2 045 000. Изд. № 740. Заказ 1156.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

